

**Тезисы докладов IX Международной научной конференции
«Фонетика сегодня»**

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

5-7 декабря 2024

Содержание

Штрихи к портрету современного русского энклиномена

Екатерина Михайловна Алтайская
корреспондент газеты «Московские Аптеки»
ekaterina.altayskaya@gmail.com

В сочетаниях некоторых служебных слов с рядом форм существительных и числительных, форм прошедшего времени нескольких глаголов и краткого страдательного причастия *дан* ударение может переходить на предлог или частицу. Например: *за́ ухом, на́ день, до́ ночи, на́ пять, не́ было, не́ дан*. Безударные знаменательные слова принято называть энклиноменами.

Попытка системно изучить это акцентологическое явление была предпринята в исследовании, которое велось в течение пятнадцати лет – с 2007 по 2022 год – и включало в себя анализ лингвистической литературы и данных словарей, а также направленное наблюдение за живой звучащей речью современных носителей языка и орфоэпический эксперимент. В ходе просмотра и прослушивания теле- и радиопередач, кинофильмов, телесериалов и мультфильмов дополнительно велась сплошная выборка интересующих сочетаний.

В результате исследования было собрано 14165 примеров от 2067 носителей языка в возрасте от 6 до 85 лет: 4732 примера фразеологизмов и 9433 – свободных сочетаний с изучаемой акцентологической особенностью. Орфоэпический эксперимент, заключающийся в прочтении дикторами специально составленных текстов с анализируемыми сочетаниями (они содержали 64 примера с 48 языковыми единицами – 19 «безударными» существительными, 19 числительными и 10 «безударными» глагольными формами), предоставил еще одну совокупность данных: 12800 ответов от 200 участников 16-85 лет.

Полученные сведения дали возможность описать «портрет» современного русского энклиномена:

- лексические характеристики «безударных» знаменательных слов – это частотность в речи и исконно русское происхождение;
- фонетические особенности – принадлежность к подвижной акцентной парадигме, длина «безударной» словоформы, ударение на первом слоге и ряд других;
- морфологические – во многих случаях перенос ударения с существительного на предлог сопровождается адвербиализацией существительного, его превращение в наречие;
- словообразовательный параметр – непроизводность в синхроническом аспекте.

Что касается «ударных» служебных слов, то они обладают такими характеристиками, как частая употребительность в речи, односложность и непроизводность в синхронии.

Выявлена и описана также система языковых факторов, вероятно препятствующих переносу ударения в изучаемых сочетаниях.

Так, сохранению акцентирования знаменательных лексем *в свободных сочетаниях* может способствовать:

- отсутствие иных допускающих перенос ударения сочетаний с данным энклиноменом;
- снижение частоты употребления «безударного» знаменательного слова в повседневной живой речи;
- для числительных – двусложная основа и обозначение числа, большего семи (что может оказаться временной тенденцией);
- для глагольных форм – средний род и возможность постановки ударения на второй слог «безударной» словоформы.

Во фразеологизмах к сохранению акцентирования знаменательного слова также может вести отсутствие иных допускающих перенос ударения сочетаний с рассматриваемым энклиноменом. Следующее важное условие – нахождение знаменательного слова в формах творительного или предложного падежа.

Случаи отказа от переноса ударения могут быть обусловлены также рядом других лексических, синтаксических, прагматических и социоязыковых факторов. Например, появление оценочной коннотации, подчеркивание ремы, противопоставление, вопрос с повторением или переспрашивание нередко ведут к акцентированию знаменательного слова. А носители «младшей» нормы чаще отказываются от переноса ударения на служебные слова, чем люди, использующие систему «старшей» нормы.

По результатам исследования планируется создать «Словарь энклиноменов современного русского языка». В нем будут приведены полные списки изучаемых лексем с примерами из поэзии и кинофильмов XX-XXI столетий.

Нефункциональные единицы в фонологической системе: конструкт или реальность?

Алексей Викторович Андронов

Институт славяноведения РАН, старший научный сотрудник
отдела типологии и сравнительного языкознания

baltistica@gmail.com

Бесконечное разнообразие мира отражается мышлением при помощи вырабатываемых им понятий. Переход от физического мира к психическому основывается на когнитивной способности человека и не поддаётся моделированию в отвлечении от неё, однако сами созданные мышлением категории могут и должны быть выявлены и описаны учёными. Физиологическое устройство речи предоставляет материал для формирования категорий «звуковой стороны языка».

Не все отрезки, предлагаемые естественным членением речевого потока (мускульные импульсы, перерывы звучания, ритм дыхания и т. д.), обретают статус элементов конкретной языковой системы. Разные типы линейных единиц бывают в разной степени интегрированы в фонологию: одни языки в качестве основного используют членение на фонемы, другие на слоги; в одних языках слоги организуются в стопы, в других такой категории не выявляется; одним языкам свойственно ясное оформление членения на слова, в других границы слов внутри фонетических синтагм не выражены и т. д. «Приоритеты», разумеется, связаны с устройством значащих уровней языковой системы, что отражается в корреляции фонологической и морфологической типологии.

«Элементы языкового мышления», которые лингвист находит «в душе носителя языка» (Бодуэн де Куртенэ 1912: 104–105), представляют собой объективную реальность и обычно соответствуют категориям языковой системы, выявляемым методами собственно лингвистического (узколингвистического) анализа (Касевич 2011: 16–17). Имеются, однако, и такие элементы языкового мышления, которые узколингвистическому обнаружению не поддаются. Так, фонологическое противопоставление, возникшее в истории языка, может оставаться незаметным для лингвистов до тех пор, пока оно не будет констатировано отрывом от привычного фонетического контекста (Попов 2004: 165–166). С другой стороны, элементы языкового мышления — более широкое понятие, чем элементы собственно языковой системы.

Одним из элементов языкового мышления является слог. О его реальности для говорящего (безотносительно к определённой языковой системе) свидетельствуют факты истории письма, устройство стихосложения, данные онтолингвистики и речевой патологии. Рассматривая проявления реальности слога для носителя конкретного языка, мы наблюдаем типичную ситуацию «естественного класса» («совпадение

различных критериев в одной точке» (Булыгина 1977: 214)). При этом множества, объединяющиеся в естественный класс, совпадают не полностью (каждое из них выделяется строго по своему признаку): слог, используемый в поэзии на некотором языке, может быть очень похож на слог, являющийся членом его фонологической системы, но в принципе это две самостоятельных сущности.

Фонологичность обычно понимается как связь с основной функцией языка (формирование и передача смысла). Исходя из этого — строгого — понимания, Л. Р. Зиндер утверждает: «В таких языках <неслогового строя. — А. А.> слог и слоговоеделение не связаны со смыслом, и слог не является поэтому фонологической единицей» (1979: 251). Понятие слога, однако, широко встречается в описаниях фонологических систем таких языков. Отвлекаясь от случаев некорректного переноса «по аналогии» из описаний языков иного строя, использование понятия слога можно объяснить двумя причинами: 1) слог связан со смыслом, но эта связь не видна для узколингвистического исследования, 2) функциональность слога (его включённость в фонологическую систему на правах самостоятельной единицы) способна определяться чем-то ещё.

Широкое понимание фонологичности, допускающее обоснование принадлежности элементов к системе без опоры на их функцию, особо остро ставит вопрос о различении реальных сущностей и создаваемых исследователями для описания языка понятий («конструктов»). Категории открытых и закрытых слогов не востребованы в других разделах описания русского языка (это не естественные классы), но в латыни они важны для определения места ударения — значит ли это, что слог является реальной единицей фонологической системы латинского языка, а не приёмом для её описания?

К дифференциации произносительных стилей в современном русском литературном языке

Ольга Валентиновна Антонова

старший научный сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

ovantonova@gmail.com

В современной лингвистике до настоящего времени существует ряд требующих разрешения противоречий, связанных с описанием орфоэпических особенностей речи в ее стилистическом аспекте. Представляется крайне актуальным выяснение причин, влияющих на некие произносительные особенности, возникающие в речи как множества людей, как и в речи отдельно индивида. Крайне важно, что с момента возникновения первого интереса к особому, стилистически окрашенному произношению и до наших дней круг вопросов не только не сузился, но продолжает расширяться.

Так, в 1915 г. Л. В. Щербой [Щерба 1974] было отмечено противопоставление *множества стилей* произношения (которыми, по мысли исследователя, можно пренебречь, так как детальное описание их затруднительно) только двум стилям, чьи отличительные черты, напротив, возможно ярко проиллюстрировать. Это так называемые *полный* и *неполный* стили (ср. приводимые в статье примеры: *здравствуйте* vs *здрáсьте*, *говорíт* vs *грит* и *человéк* vs *чек*). Если полный произносительный стиль способен дать говорящему ясное представление об «идеальном фонетическом составе слова» (то есть, согласно концепции ЛФШ, его фонемном составе), то неполный стиль содержит всевозможные искажения этого идеального состава, изменяясь под воздействием, к примеру, темпа речи, неофициальной ситуации общения и проч. При этом любопытно одно из замечаний Л. В. Щербы: «полные формы, в сущности, в *обычной речи* (курсив мой – О. А.) никогда не употребляются». Привлекает внимание и то, что, помимо названных, Л. В. Щерба не приводит иных примеров для *произношения* при полном стиле, однако описывает *условия*, при которых полный стиль мог бы явиться: речь из другой комнаты, отчеканивание, произнесение по слогам, обращение к тугоухому, пение и пр. Такая речь, *полный стиль* по Щербе, освобождает слово ото всяких искажающих «деструктивных» факторов влияния, а именно ударения (!), «соседства» (!) и инертности органов произношения. Очевидно, по мысли исследователя, такую речь нельзя признать «обычной» - однако означает ли это, что такую речь нельзя назвать спонтанной?..

Обилие поставленных в статье вопросов неизбежно привело к дальнейшей разработке проблематики, связанной с произносительными стилями. Некоторое время спустя учениками и последователями Л. В. Щербы, представителями ЛФШ, понятие стиля было уточнено, а собственно *стили произношения* как общезыковые явления были противопоставлены *типам произнесения* – более частным произносительным разновидностям,

характерным для речи отдельных носителей языка [Бондарко и др. 1974]. Позднее Н. Д. Светозаровой был выделен особый *сверхполный* стиль произношения, приближенный к побуквенному [Светозарова 2008].

На рубеже II половины XX в. (а именно – в 1950 г.) Р. И. Аванесов (см. [Аванесов 1972]) выдвинул собственную теорию произносительных стилей, соотнесенную с теорией трех штилей М. В. Ломоносова, при этом особо подчеркивая, что стилистические отношения в фонетике тесно связаны со стилистическими отношениями в лексике. Так, им были выделены три основных стиля произношения: высокий, нейтральный и разговорный. По мысли Аванесова, для высокого произносительного стиля характерны не только специфические фонетические черты (напр., последовательное *эканье*), но и многие лексико-фонетические особенности (напр., произношение твердого согласного перед [э] в специфических, непременно заимствованных словах *тема, музей, крем*). Особо поддерживалась идея, что в высоком *произносительном стиле* должны преобладать черты *высокого функционального стиля*, и последние, в сущности, и обуславливают первые (тот же параллелизм был отмечен автором и для разговорного произносительного стиля и определяющего его разговорного стиля – *функционального*). Между тем внутри стилистически не окрашенного нейтрального стиля произношения Р. И. Аванесов выделил две особых разновидности: нейтральный *строгий* произносительный стиль и нейтральный *свободный* произносительный стиль. Строгий нейтральный стиль в такой дихотомии выступал как инструмент нормированной, сценической речи (а также речи кино, радио, телевидения), а свободный стиль не имел таких четких границ и обслуживал сферу обиходно-бытовую. Приводя примеры употребления строгого разговорного стиля, Р. И. Аванесов демонстрирует те орфоэпические особенности, которые в настоящий момент в науке принято называть чертами старомосковского произношения (безударное окончание глаголов 2 спр. ед. ч. наст. вр на *-ат, -ят*, произносимое [ут]: *ход[ут]*; твердое окончание возвратного постфикса глаголов: *смею[с]*; твердое произношение заднеязычных в окончаниях прилагательных: *тих[ъй]* и др.). При этом следует отметить вот что: вводя термины *строгий* и *свободный* стили, Р. И. Аванесов приводит подстраничную сноску, в которой отмечает: наиболее близки к строгому и свободному стилям произносительные стили Л. В. Щербы – полный и неполный соответственно. Однако, учитывается вышесказанное, представляется не бесспорным отождествление полного стиля по Щербе и строгого по Аванесову, т.к. (даже без обсуждения разных взглядов исследователей на выделение фонемы) крайне затруднительно представить, каким образом полный стиль, необходимый для выявления «идеального» фонетического облика слова и наиболее ярко проявляющий себя, по мысли Щербы, при скандировании и проч., мог бы зазвучать на русской сцене, где господствовало старомосковское произношение.

Несколько позднее М. В. Панов [Панов 1963] вслед за Р. И. Аванесовым, в рамках концепции МФШ, выделил три произносительных стиля, соотнесенных с функциональными стилями русского языка: высокий, нейтральный и разговорный. В указанной статье приводятся многочисленные фонетические примеры, предпринимается попытка более явно разграничить стили именно с точки зрения их орфоэпических особенностей. Однако в ряде случаев эти примеры, как и примеры предшественников, относятся не столько к сфере собственно фонетики, как к лексической сфере.

Очевидно, что в наши дни многие вопросы фонетической стилистики не нашли своего разрешения. Попытки объединения внутри одной теории полного и неполного стилей с одной стороны и высокого, нейтрального и разговорного с другой не представляются перспективными. Очевидно, что с момента возникновения двух концепций вопросы, на которые пытались ответить исследователи, не были идентичными: так, Л. В. Щерба спрашивал читателя, что же является словом – *говорит* или *грит*, а Р. И. Аванесов предпринимал попытки распространить теорию функциональных стилей на область фонетики и орфоэпии, не перестраивая ключевых ее положений (что в настоящее время привело к угасанию этой идеи как таковой – согласно исследованиям последнего времени, (см., в частности, многочисленные работы И. А. Вещиковой) ученые пришли к мысли, что «старые» стилистические градации перестали быть продуктивны, в частности, высокий стиль утратил свои специфические черты, которые, во многом, в прошлом были обусловлены не столько фонетическим своеобразием, сколько лексическим составом, а также особой жанровой принадлежностью (при ответе на вопрос, какова речь высокого стиля, ученые нередко говорили и говорят до сих пор, что высокий стиль – это стиль публичного выступления (доклада, лекции, ораторской, академической, поэтической речи, речи при чтении важных сообщений, правительственных документов и других официальных материалов [Агеенко, Зарва 2000]) – однако совершенно очевидно, что все эти виды, *жанры* речи могут быть в наши дни фонетически нейтральны. В частности, в трудах И. А. Вещиковой (см., к примеру, [Вещикова 2013]), посвященных современной языковой ситуации, описываются особенности некоего нового высокого стиля – это больше не медленный темп речи (хотя, справедливости ради, надо сказать, что и Л. В. Щерба, и Р. И. Аванесов указывали на то, что медленный темп поддерживает высокий произносительный стиль, но не является его непременным условием) с четким произношением всех фонетических элементов, показателей «идеального состава слова». Сейчас это может быть речь высокой скорости, обладающая таким множеством черт разговорного стиля (таковы, к примеру, редукция, в том числе до нуля, гласных и согласных, появление компрессивов и проч.), что ее впору принять за разговорную. На этом фоне создается ощущение, что современный высокий стиль можно разграничить с другими стилями, исходя только лишь из его ситуативного *жанра*. Очевидно, что подобная трансформация не могла пройти мгновенно,

но в руках исследователей нет стройного теоретического материала, который позволил бы всесторонне описать динамику произносительных стилей в последние сто лет. Как правило, описания стилистических особенностей в фонетике выполняются дискретно, без опоры на общепринятую теоретическую базу. Даже сам термин «фоностистика» не всеми в научном сообществе понимается одинаково. Некоторые исследователи отождествляют фоностистику с произносительной стилистикой (см. [Светозарова 2013]), другие же понимают фоностистику как фоностистику текста, основанную на изучении книжнописьменной речи и фольклора (см., напр., [Орлова 2013]). Представляется важным разграничить эти понятия; на взгляд автора, это можно было бы сделать, оставив за стилистикой в области фонетики и орфоэпии только термин *произносительная стилистика*.

Итак, можно предположить, что неразрешенность стилистических проблем в области орфоэпии в первую очередь связана с отсутствием непротиворечивого и системного разграничения двух диаметрально противоположных взглядов (восходящих ко взглядам Л. В. Щербы и Р. И. Аванесова) на проблему стилового разнообразия в фонетике в целом и в орфоэпии в частности, а также с отсутствием единого общепризнанного терминологического инструментария.

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1972. 415 с. [1-е изд. — в 1950].

Агеев Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений русского языка / Под ред. М. А. Штудинера. М., 2000. С. 178-186.

Ахманова О. С. Стил произношения // Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 576 с.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64-70.

Вещикова И. А. Высокий стиль в современной орфоэпической реальности // Журнал «Медиалингвистика». Специальный выпуск № 2. Санкт-Петербург, 2013. С. 71-82.

Орлова О. Ю. Фонетические средства выразительности в языке и тексте: существующие подходы и перспективы исследования вестник пермского университета. Вып. 3(23), 2013. С. 93-99.

Панов М. В. О стилях произношения (в связи с проблемами стилистики) // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Издательство академии наук СССР, 1963. С. 5–38.

Светозарова Н. Д. О полном и сверхполном типе произнесения и его отражении в тексте художественного произведения // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 787-797.

Светозарова Н. Д. Стили произношения. Русский язык. Школьный энциклопедический словарь / Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 584 с., ил., 306-307.

Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов (Записки Неофилологического общества. Вып. VIII, 1915) // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность, Л.: Наука, 1974. С. 141-146.

Один акцент или разные?

Елена Леоновна Бархударова,
МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет,
заведующий кафедрой дидактической лингвистики и
теории преподавания русского языка как иностранного
e.barhudarova@mail.ru

Как известно, любой национально ориентированный курс русской фонетики адресован носителям конкретного языка. Принято считать, что, если учащиеся говорят на одном языке, то их акцент также должен быть одинаковым. Как практика обучения иностранцев русскому произношению, так и целый ряд исследований иностранного акцента показывают, что это далеко не всегда бывает так.

Еще в середине прошлого века в работах А.А. Реформатского отмечалась неоднородность китайского акцента. Ученый указывал на разницу в акценте «северных» и «южных» китайцев: для «северных» китайцев различение латеральных и носовых – простая задача, а «южные» китайцы смешивают указанные единицы в своем произношении. В итоге в их русской речи одинаково звучат такие слова, как *лилия* и *линия*, *клялись* и *клянись* [Реформатский, 1970: 511].

В дальнейшем в целом ряде исследований было показано, что неоднородность иностранного акцента – вполне распространенное явление. По сути в отношении испанского, португальского, немецкого, финского, греческого, китайского, арабского и некоторых других акцентов можно с уверенностью утверждать, что каждый из них на самом деле является не одним, а совокупностью разных акцентов с разным набором отклонений. Такое положение обусловлено особым, отличным от того, которое имеет место в русском языке, соотношением литературной и диалектной фонетики во многих иноязычных системах.

Как показывает анализ «отрицательного» языкового материала, наиболее частые различия в интерферированной речи носителей одного и того же языка обусловлены переносом позиционных закономерностей фонетической системы родного языка на русский (о понятии «отрицательного» языкового материала см. [Щерба 2002: 71]). Сказанное можно проиллюстрировать, в частности, рассмотрев отмеченное А.А. Реформатским смешение в китайском акценте носовых и латеральных: в речи носителей разных китайских диалектов оно происходит в разных позициях. Например, носители диалекта, функционирующего на территории провинции Сычуань, последовательно смешивают эти единицы перед всеми гласными, тогда как жители провинции Гуандун – только перед некоторыми: слова *лад* и *над* в их произношении часто звучат одинаково, а слова *ложь* и *нож* обычно различаются.

В отношении акцента португалоговорящих в исследовании Д.Л. Давидян показано, что разница в фонетических отклонениях, которые фиксируются у португальцев, бразильцев и португалоговорящих африканцев, определяется в основном особенностями функционирования звуковых единиц в родной фонетической системе. Именно по этой причине в акцентах португальцев и португалоговорящих африканцев фиксируется частая мена свистящих на шипящие перед согласными и на конце слова: в итоге совпадает звучание слов *нос* и *нож*, *миска* и *мишка*. Напротив, в акценте бразильцев таких ошибок нет, зато нередко происходит ошибочная мена глухих свистящих на звонкие перед сонорными *[z]нова (*снова*), *no[z]лать (*послать*) [Давидян 2022: 85]. Можно привести и много других примеров, когда разница в акценте носителей одного и того же языка носит «позиционный» характер.

Таким образом, задача создания национально ориентированных курсов обучения произношению предполагает исследование и обязательный учет, во-первых, позиционных закономерностей родной фонетической системы, а во-вторых, механизмов переноса данных закономерностей на изучаемый язык.

Литература

Давидян Д.Л. Особенности "позиционного" акцента носителей португальского языка в области произношения русских переднеязычных согласных: лингводидактический аспект // Мир русского слова. 2022. № 1. С. 82–90.

Реформатский А.А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1959. № 2. С. 145–156.

Щерба Л.В. Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: Учеб. пособие для студ. филол. фак. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

И в заговор вступить, и ведать заговор от уличной беды

Дмитрий Дмитриевич Беляев
Независимый исследователь
beltula@gmail.com

В этом фрагменте стихотворения С. В. Петрова (1965) фигурируют два омографичных существительных: **ЗАГ1** «тайное соглашение» и **ЗАГ2** «заклинание». Их нормативные параметры в истории и современном состоянии языка анализируются по лексикографическим данным, узусальные – на материале акцентологического, устного и мультимедийного корпусов НКРЯ.

Неоднородное качество акцентологического материала потребовало его обработки и ранжирования. 1) Максимально достоверные аргументы для акцентуации: рифмовка, метрика, авторские выделения. 2) Аргумент рангом ниже – ритмика. В части случаев возможна двоякая акцентуация.

В академических словарях XVIII–XIX вв. **ЗАГ1** и **ЗАГ2** – формально тождественные единицы в рамках одной словарной статьи. Но семантическая неоднородность делает ударение диахронически нестабильным: 1790 г. (ч. II: 147) – *заговóръ*, 1809 г. (ч. II: 533) – *заговóръ*, 1847 г. (т. II: 13) – *заговóръ*.

К концу XIX в. диахроническая нестабильность трансформировалась в синхронное варьирование: академический словарь 1899 г. (т. 2, вып. 3: 925–926) кодифицирует *заговóръ* и *заговóръ*. Но в XX–XXI вв. варьирование нивелируется. Словарь Ушакова (т. I, 1935: 914) и БАС-17 (т. 4, 1955: 353–354), впервые выделив 2 самостоятельных статьи, фиксируют форму *заговор* и только для **ЗАГ1** – устар. *заговóръ*. БАС-30 (т. 6, 2006: 122–123) устаревший вариант *заговóръ* отмечает для обеих лексем. В прочие словари господствует единообразие. Радикальное исключение – «Грамматический словарь» А. А. Зализняка (1977: 534), дающий только для **ЗАГ2** равноправные варианты: *заговóръ*.

Развитие узуса выглядит следующим образом.

XVIII–XIX вв.	
<i>заговóръ</i>	<i>заговóръ</i>
ЗАГ1	
1) 31 (1776–1873)	1) 1: Н. Некрасов (1839)
2) 4: А. Грибоедов (1824), М. Лермонтов (1835, 1839), Д. Мережковский (1887)	2) –
35 (97,2%)	1 (2,8%)
ЗАГ2	
1) –	1) 2: А. Добролюбов (1895, 1899)
2) 1: М. Лермонтов (1831)	2) –
1 (33,3%)	2 (66,7%)

В целом господствует исходный вариант *заговѣръ*. Материал ЗАГ2 явно недостаточен.

XX в.	
<i>заговѣръ</i>	<i>зѣговор</i>
ЗАГ1	
1) 6: Л. Кобылинский (1914), В. Нарбут (1920, 1921), Б. Лившиц (1934), stbelski (1995)	1) 23: Б. Пастернак (1914), С. Есенин (1918, 1921), В. Шершеневич (1918), В. Хлебников (1921, 1922), О. Мандельштам (1921), Н. Асеев (1923), М. Цветаева (1923, 1924, 1931), И. Сельвинский (1924), Н. Щеголев (1931), Б. Слуцкий (1939, 1959), Ю. Левитанский (1959), Е. Евтушенко (1964, 1985), С. Петров (1965), П. Антокольский (1967, 1969), Н. Горбаневская (1993)
2) 2: М. Кузмин (1904)	2) 12: А. Лозина-Лозинский (1912), Б. Садовской (1925), В. Луговской (1926), Г. Шенгели (1936), С. Барт (1939), Б. Божнев (1939), О. Берггольц (1949), Л. Губанов (1961), Л. Алексеева (1964), Б. Ахмадулина (1981), Б. Кенжеев (1999), Н. Байтов (2000)
8 (18,6%)	35 (81,4%)
ЗАГ2	
1) 18: К. Бальмонт (1914), К. Жаков (1916), С. Кирсанов (1934), С. Петров (1934, 1939, 1965), В. Меркурьева (1936), А. Симуков (1941), Б. Слуцкий (1970), Д. Новиков (1992), lubovsahanova (1996)	1) 10: С. Кирсанов (1934), Д. Андреев (1936), Е. Евтушенко (1965), Ю. Мориц (1977), Т. Кибиров (1990)
2) 10: В. Гофман (1904), В. Горянский (1914), В. Маяковский (1919), 63, С. Клычков (1922, 1929), О. Берггольц (1928, 1930), А. Тарковский (1942), Б. Окуджава (1964), volorad (2000)	2) 4: В. Шкловский (1915), Д. Самойлов (1973), В. Алейников (1978), isakov (1998)
	Устная речь – 3 (1934, 1988, 2000)
28 (62,2%)	17 (37,8%)

В результате семантического отталкивания траектории омографов расходятся. У **ЗАГ1** однозначно и окончательно побеждает новое, префиксальное ударение. Только этот вариант фигурирует в записях устной речи. **ЗАГ2** испытывает колебания. Так, С. Кирсанов, предпочитая ударение на префиксе, альтернативный вариант выделяет знаком акута: «Где *най́ти* *заговóры-слова?*». И всё же здесь наблюдается перевес корневого ударения.

XXI в.	
<i>заговóр</i>	<i>за́говор</i>
ЗАГ2	
1) 97 (2001–2013)	1) 28 (2001–2013)
2) 18 (2006–2013)	2) 18 (2002–2013)
	Устная речь – 10 (2005–2017)
115 (67,3%)	56 (32,7%)

Заметный рост у **ЗАГ2** частотности варианта *заговóр* не позволяет считать его устаревшим. Материал XXI в. – наивная поэзия – демонстрирует протекающее в узусе усиление оппозиции **ЗАГ1 : ЗАГ2**.

НУ ВОТ / ВОТ НУ – опыт просодической дифференциации употреблений прагматических маркеров-навигаторов в устном дискурсе

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян¹, Дарья Андреевна Стойка²

¹ Санкт-Петербургский гос. университет, д.ф.н., профессор, n.bogdanova@spbu.ru

² ГУ МВД России по г. СПб и ЛО, к.ф.н., старший эксперт отдела фоноскопических, лингвистических, автороведческих экспертиз, ruslangdaria@yandex.ru

Просодические маркеры (ПМ), ставшие результатом активного в устной речи процесса прагматикализации, отличаются от иных функциональных единиц повседневного дискурса целым рядом признаков, таких как неосознанность употребления (речевой автоматизм), функционирование исключительно в устной речи или ее имитациях, ослабление или полное отсутствие лексико-грамматического значения, что выводит слово за рамки частей речи и вообще из сферы интересов традиционной лингвистики. На смену семантике и грамматике приходит прагматическое значение, или «голая» функция в тексте. Однако зачастую даже такого набора формальных показателей оказывается все же недостаточно, чтобы однозначно разграничить слово-прототип и ПМ, ставший его функциональным омонимом, или разновидности вариантов одного ПМ, что создает значительные трудности при аннотировании речевых корпусов и анализе реальных контекстов.

Такие затруднения привели к мысли обратиться к методам *мультимодальной лингвистики* (Кибрик 2008), которые, в совокупности с другими средствами языка, могут помочь дифференцировать функциональные типы ПМ. В частности, гипотеза, в рамках которой выполнено настоящее исследование, заключается в том, что «учет просодических <...> признаков прагматических маркеров может скорректировать ручное аннотирование корпусного материала и разрешить многие трудные вопросы лингвистической интерпретации» (Богданова-Бегларян 2024: 45); см. также: Сулимова 2021а, б.

Объектом внимания в данной работе стали две единицы, в равной степени претендующие на роль структурных вариантов прагматического маркера ВОТ: НУ ВОТ и ВОТ НУ. Обе они способны выступать в устном дискурсе как *маркеры-навигаторы* и нуждаются в функциональной дифференциации.

Проведенный анализ материала корпуса ОРД показал, что навигационное ВОТ НУ всегда сопровождается подъемом тона (рис. 1).

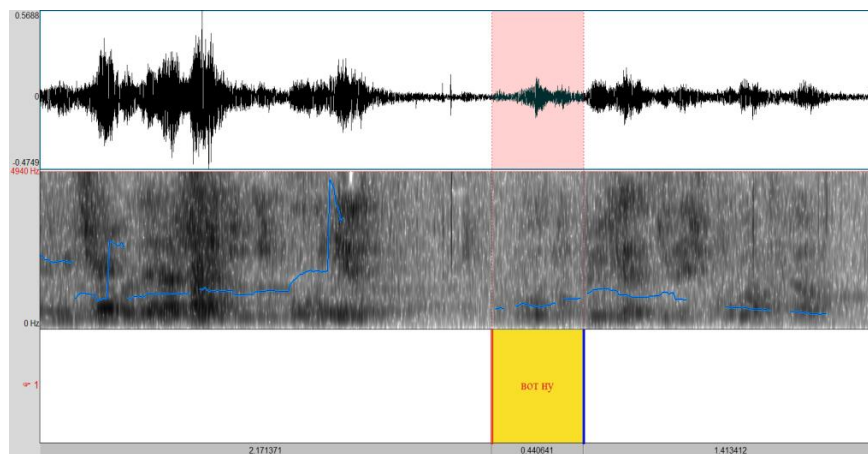


Рис. 1. Осциллограмма и кепстограмма фразы *нет / подорожаний не будет*
// ***П ВОТ НУ** плюс я скидочку вам дам

Тон маркера НУ ВОТ в этой функции ровный или несколько понижается (рис. 2).

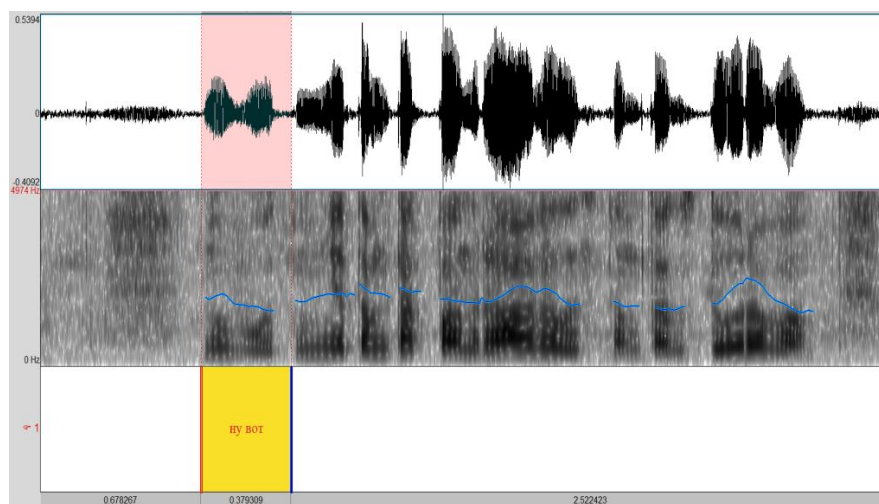


Рис. 2. Осциллограмма и кепстограмма фразы *ну считай / пять дней в неделю / до трёх / я не смогу* // ***П НУ ВОТ** / мне там так понравилось / **там так здорово !**

Расширение материала и более детальный анализ просодии не только данных, но и других функциональных типов речевых единиц может, как представляется, стать реальным дополнительным инструментом дифференциации единиц речевого лексикона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Литература

Богданова-Бегларян Н.В. Прагматические маркеры русской повседневной речи: интонационное оформление и жестовое сопровождение (к постановке проблемы) // Фонетические этюды. Сб. статей в честь 70-летия проф. П.А. Скредина. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 42-46.

Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика: направления исследования // Обработка текста и когнитивные технологии. Когнитивное моделирование в лингвистике. Тр. X междун. конф. / Ред. *В.Н. Полякова*. Казань: Казан. ун-т, 2008. С. 132-145.

Сулимова Т.С. Дифференцирующие признаки прагматических маркеров (на примере единицы *значит*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По м-лам ежегод. междун. конф. «Диалог». Вып. 20. Студ. сессия // Ред. *В.П. Селегей*. Москва: РГГУ, 2021а [Эл. ресурс]. www.dialog-21.ru/dialogue2021/results/dopmat/2021/students/.

Сулимова Т.С. Двое из ларца, одинаковых с лица – о просодических свойствах прагматических маркеров *в принципе* и *в общем* // М-лы 4 студ. конф. филологов и лингвистов. СПб., 2021б [Эл. ресурс]. www.spb.hse.ru/humart/complit/.

У истоков современной орфоэпической лексикографии: Д.Н. Ушаков

Екатерина Марковна М. Болычева

МГУ им. М.В. Ломоносова,

129-130@mail.ru

Многие идеи Д.Н. Ушакова имеют свое научное продолжение, и в частности, они воплощаются в орфоэпических словарях нашего времени.

1) Д.Н.Ушаков не настаивал на абсолютном приоритете традиционного произношения над недавно появившимся, а, наоборот, призывал изучать «молодое московское произношение» и «принимать, если это правильно» [Ушаков: 188].

Современная орфоэпия базируется на представлении о динамике нормы и о фонетической вариативности как неизбежном следствии этого процесса. Новые черты не игнорируются как заведомо неправильные, а описываются наряду с традиционными, получая рекомендательные пометы. Такой подход сложился не сразу, а к 80-м годам XX века, и можно утверждать, что мысли Д.Н.Ушакова предвосхитили новый этап в развитии отечественной орфоэпической лексикографии задолго до его наступления.

2) Д.Н. Ушаков задумывался над тем, насколько непросто найти «принцип, по которому следует узаконивать или отвергать то, что влило в язык новейшими струями» [Ушаков: 181]. Попытки созыва авторитетной всероссийской конференции о правильном произношении не воплотились в жизнь. Однако сама мысль о коллективном одобрении каких-то фонетических черт значима: принцип статистической оценки материала выльется в масштабное социолого-лингвистическое исследование 60-х гг XX в., а также реализуется в современных орфоэпических словарях, учитывающих фактор распространенности произносительного варианта при его кодификации.

3) Д.Н. Ушаков настаивал на определенных выводах, в истинность которых верил, несмотря на их несоответствие традиционным представлениям. Например, мысль, выработанная совместно с Н.Н. Дурново, о «законности» икающей нормы хоть и вызывала недоумение академика Ф.Е. Корша [Ушаков: 292], зато стала провозвестником орфоэпических изданий, появившихся спустя годы.

4) Лингвистическая интуиция помогала Д.Н.Ушакову выбирать принятую и сейчас методику изучения материала – специальный лингвистический эксперимент. Примером направленного изучения вариативности может служить совместный с Н.Н. Дурново эксперимент, связанный с чтением рассказа «Дачники» и скрупулезным транскрибированием, учитывающим все расхождения в произношении [Ушаков: 152]. Вариантов оказалось несколько десятков примеров: разная редукция гласных (в [ъ] и [а] — *Чехова*, *Фифа*, в [ь] и [а] — *Коля*, *Костя*, в [ъ] и [ы] — *огненные*), отличия в реализации согласных ([ч'] и [ш] (*облачных*), [г] и [γ] (*к гостям*, *где-то*), [к] и [х] (*к тебе*) и т.д.

5) Решение включать в толковый словарь и орфоэпическую информацию роднит словарь Д.Н. Ушакова с рядом толковых словарей нашего времени. Д.Н. Ушаков описывает (а значит, и кодифицирует) специфичные произносительные черты слóва, если оно их имеет. Например, *крем* получает предписывающую помету [рэ], а примеры с мягким согласным перед *е* нет.

В ХХІ веке в Большом орфоэпическом словаре под редакцией Л.Л. Касаткина *крем* как [крэ]м уже отмечен пометой не рекомендуется, тогда как в словаре под редакцией Р.И. Аванесова варианты с [рэ] и [р'е] трактовались как одинаково нормативные. Такое сравнение позволяет рассмотреть ситуацию изменения нормы: традиционное произношение, отраженное в словаре Д.Н.Ушакова, постепенно уйдет из узуса, и орфоэпические словари будут фиксировать эти изменения.

6) Предлагаемый Д.Н. Ушаковым перечень черт нормативного произношения отражает определенный этап в развитии литературной нормы. Ученый позаботился и о том, чтобы мы могли услышать подобное произношение: сохранились две аудиозаписи его лекции о московском произношении с чтением рассказа «Дачники» в конце.

Кроме того, Д.Н. Ушаков, классифицируя ошибки, делит их на свойственные «немосквичам» и создающиеся «на почве буквы у грамотников» [Ушаков: 173]. Анализ побуквенного произношения соотносится с современными работами об орфографоцентризме нашего мышления. Д.Н. Ушаков будто предугадал появление такого направления научной мысли и представил ее в фонетическом срезе.

7) Записанный голос Д.Н. Ушакова – интересный для современных исследователей документ. Лектор то предельно сконцентрирован на правильности своего произношения (так озвучиваются примеры к правилам и рассказ «Дачники»), то ослабляет самоконтроль (при описании структуры лекции, например). В результате подчеркнуто-правильное произношение *жс[ы]ра* соседствует с *Уш[а]ков*, а *широ[кь]й* – с *московс[к'ь]й*.

Данное наблюдение соответствует мысли о существовании как нескольких стилей произношения, так и орфоэпических вариантов слóва, использующихся в разных ситуациях общения. Временная нить связывает Д.Н. Ушакова с современными исследованиями подобной тематики.

Литература

Ушаков Д.Н. Русский язык: учебное пособие для педагогических университетов и институтов по специальности «Русский язык и литература». М., 1995

PySound -цифровой сервис обработки и анализа звучащей речи

Гончарова Оксана Владимировна

ведущий научный сотрудник, руководитель НОЦ «Интеллектуальный анализ данных»
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры экспериментальной лингвистики
и межкультурной компетенции, Пятигорский государственный университет,
oxanavgoncharova@gmail.com

Обработка и анализ звука представляют собой одни наиболее сложных и многогранных аспектов современной фонетики. Несмотря на значительные достижения в данной области, до сих пор не существует универсального инструмента, способного охватить все аспекты звукового анализа. Разнообразие методик и подходов к обработке звука требует комплексного использования различных технологий и инструментов. Многие существующие инструменты, такие как Librosa или openSMILE, не предоставляют специализированных инструментов для работы с просодией и извлекаемые ими признаки сложно интерпретируемые, Praat или WaveSurfer, позволяющие анализировать форманты и проводить другие специфические операции, имеют свои ограничения и специализированные области применения.

В этом контексте нами был разработан PySound — цифровой сервис для комплексной обработки и анализа звука, который интегрирует и расширяет наработки ученых-фонетистов [4, 5]. В текущем академическом и промышленном ландшафте, где анализ речи и аудиоданных играет важную роль во многих приложениях — от систем распознавания речи до лингвистических исследований, PySound представляет собой значимое новшество, особенно в контексте обработки и анализа русскоязычной речи и заполняет нишу специализированных аудиоаналитических инструментов, ориентированных на русский язык, предлагая инструменты, оптимизированные для анализа особенностей русской фонетики и интонации.

PySound использует библиотеку Parselmouth, которая предоставляет доступ к функциональности Praat, что позволяет получить набор из более чем ста просодических параметров и проводить комплексный просодический анализ, который включает определение высотных уровней сегментов и их соотношения в терминах музыкальных полутонов с последующей нормализацией. Также проводится анализ динамических и темпоральных характеристик для выявления структуры ритмической организации сегментов, формантный анализ, включающий визуализацию движения форманты гласного и сопоставление с референсными значениями русских

звуков [1], определение степени изменения звука в зависимости от произносительного варианта (акцента, эмоционального состояния) (подробнее о формантном анализе [2]). Кроме того, осуществляется расчёт различных лингвистических и статистических характеристик, включая расстояние Левенштейна, евклидово расстояние, косинусное расстояние, распределения и стандартное отклонение. Все результаты анализа могут быть представлены как в виде текстовых документов, так и в форме веб-отчётов.

Сервис использует предобученные LLM [6] и уже способен автоматически производить аннотацию ToBI и создавать textGrid на уровне слов и, что значительно упрощает процесс транскрибации и анализа речи. На данный момент ведется активная работа над апробацией и расширением функциональности PySound для обработки звуков и интонации на более детальном уровне [2, 3]. Используя передовые модели глубокого обучения, мы стремимся разработать алгоритмы, которые будут способны анализировать и интерпретировать звуковые сигналы с высокой точностью. Это откроет новые возможности для фонетических исследований и практических приложений в области обработки речи.

Литература

1. *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. – 175 с.
2. *Гончарова О. В.* Артикуляционно-акустические характеристики безударных и ударных гласных на месте орфографического «а» в речи носителей разных фоновариантов русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики, Т. 17, Вып. 5, 2024. <https://philology-journal.ru/article/phil20240240/fulltext>
3. *Гончарова О. В.* Универсалии и специфика выражения эмоций в балкарском языке (исследование на основе алгоритмов машинного обучения), https://ilingran.ru/web/sites/default/files/conferences/2024/2024_tenishev_program.pdf
4. *Дубовский Ю. А., Воробьева О. В., Гончарова О. В., Мартынова Е. О., Садовая А. Е., Шишимер Л. Ф.* Русская просодия на Северном Кавказе: монография: в 2-х т. / под общ. ред. Ю. А. Дубовского, Пятигорск, 2008. Т. 1. 552 с.
5. *Потанова Р. К., Потанов В. В.* Язык, речь, личность. — М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
6. *Vosk* – автономный инструмент для распознавания речи с открытым исходным кодом, <https://huggingface.co/alphacep/vosk-model-ru>

Фонетические трудности при освоении итальянского языка русскоязычными учащимися (на примере курса для вокалистов)

Елизавета Алексеевна Громова,

студент 4-го года обучения, факультет иностранных языков и регионоведения,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Москва, Россия

lizzy03@mail.ru

Аннотация. Работа исследует основные фонетические трудности, с которыми сталкиваются русскоязычные учащиеся при изучении итальянского языка, особенно в контексте вокального исполнения. Оцениваются типичные ошибки произношения и предлагаются методы их преодоления на основе анализа учебных пособий и практических примеров.

Ключевые слова: итальянский язык, фонетика, русскоязычные учащиеся, вокальное исполнение, ошибки произношения, методика обучения.

Работа рассматривает проблематику фонетических трудностей у русскоязычных студентов, обучающихся вокалу. Акцент делается на актуальности итальянского языка в мировой культуре и оперном искусстве. Примеры из практики, такие как анализ фонетических ошибок на примере арий из оперы “Травиата”, подчеркивают актуальность исследования.

Цель работы заключается в выявлении и анализе основных фонетических трудностей русскоязычных студентов при изучении итальянского языка, а также в оценке методов преподавания и предложений по их улучшению.

Статья использует лингвистический анализ фонетических особенностей русского и итальянского языков. Так, в ходе исследования были выявлены такие сложности для русскоязычных студентов, как отсутствие редукции в итальянском языке, явление отсутствия палатализации согласных после переднеязычных гласных и наличие двойных и тройных дифтонгов. Кроме того, был проведен анализ учебных пособий и практических материалов по фонетике итальянского языка авторства Д.А. Митрофановой и В. Пераро. Помимо этого, было проведено эмпирическое исследование фонетических ошибок студентов на примере арий из оперы “Травиата”. Так, на примере этих арий были подтверждены вышеупомянутые и многие другие ошибки.

Исследование предлагает ряд методов и стратегий для достижения приближенного к идеальному произношения на итальянском языке, а также в рамках исследования была оценена эффективность различных методических подходов к обучению фонетике итальянского языка. Приводятся примеры практического использования этих методов и рекомендации по улучшению развития фонетических навыков. Помимо этого, были обнаружены типичные ошибки в произношении итальянских звуков русскоязычными вокалистами, такие как неправильная артикуляция согласных и гласных, неверная интонация и акцентуация.

Фонетические трудности носителей русского языка в итальянском языке представляет актуальную проблему, влияющую на межкультурное взаимодействие и профессиональные возможности. Как итог, преподавание итальянского языка для вокалистов требует особого внимания к фонетике для успешного исполнения, а также рекомендуется разработка специализированных упражнений и методик, учитывающих специфические трудности русскоязычных студентов.

Список литературы

Peraro W. Manuale pratico per attori, insegnanti, speaker e professionisti della voce. – D. Audino, 2004

Алисова Т. Б., Черданцева Т. З. Итальянский язык, грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем. Издание Московского университета, 1962.

Буэно, Томмазо. Итальянский язык: новый самоучитель / Томмазо Буэно, Е. Г. Грушевская. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 704 с. — (Эксклюзивный самоучитель).

Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. — 430 с. — (Gaudeamus).

Митрофанова Д. А. Итальянский язык для вокалистов. Фонетика в пении: Учебное пособие. — СПб.: Издательство «Лань»; Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2014. — 424 с.: ноты (+ DVD). — (Учебники для вузов. Специальная литература).

Постановка «Геликон-оперы». URL: <https://youtu.be/LCbBIqYLrf0?si=QM2Hf0UcG9MMnfVQ> (дата обращения: 02.06.2024)

Постановка Башоперы. URL: <https://youtu.be/VeyONAWzCYw?si=HHimPZVR88ocTLF4> (дата обращения: 02.06.2024)

Постановка Мариинского театра. URL: https://youtu.be/SUr_KcVDIVQ?si=TCetL693Kc-NE4MW (дата обращения: 02.06.2024)

Оканье в среднерусских говорах: запад – восток

Светлана Владимировна Дьяченко

старший научный сотрудник

Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

svet-lan-a@list.ru

Среднерусские переходные говоры делятся на акающие и окающие. Оканье в этих говорах, как правило, неполное, то есть различие гласных фонем неверхнего подъёма после твёрдых согласных происходит только в первом предударном слоге, в остальных же безударных слогах эти фонемы совпадают [Захарова, Орлова 2004: 81-82, 140-141].

Однако в части среднерусских окающих говоров может наблюдаться различие гласных *а* и *о* во втором предударном слоге и в заударных слогах после твёрдых согласных (полное оканье), причём это засвидетельствовано как в западных окающих среднерусских новгородских говорах, так и в восточных говорах Владимирско-Поволжской группы [Захарова, Орлова 2004: 146, 155; Образование 1970: 315, 371-372, 409]. Возможность произношения гласных [о] и [а] во втором предударном слоге в окающих среднерусских говорах подтверждается и данными Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), см. карту 9 фонетического тома. Так, новгородские говоры, расположенные вокруг озера Ильмень, в этом смысле неоднородны: говоры северо-западного побережья охарактеризованы как говоры с полным оканьем (в них произносится м[о]локó, ст[о]ронý и т.п.), то же наблюдается и на юго-восточном побережье; говоры же юго-западного и северо-восточного побережья Ильменя предполагают наряду с произношением [о] во втором предударном слоге произношение [ь], либо [а], либо [ы] (в некоторых населённых пунктах при этом не отмечено произношение в этой позиции [о]). Территория распространения Владимирско-Поволжских говоров тоже представлена на карте пёстрым сочетанием разных заливок и штриховок, которое свидетельствует о том, что в этих говорах отмечено как полное оканье, так и неполное с [ь], [а], [ы] и [у] во втором предударном слоге. Кроме того, здесь отмечена редукция до нуля в позиции второго предударного слога, не отмеченная в новгородском ареале [ДАРЯ 1986: карта 9; Марченко и др.].

Специфика вокализма, в том числе окающего, связывается обычно с ритмической структурой слова. К.Ф. Захарова отмечала, что основной особенностью безударного вокализма говоров Владимирско-Поволжской группы является неодинаковая сила слогов в зависимости от их места в слове по отношению к ударению. «Наблюдения над соотношением согласных безударных слогов по их экспираторной силе показывают, что в системе предударного вокализма имеется резкая разница между гласными 1-го предударного слога сравнительно со 2-м (и более удалёнными от ударенного) слогами: гласный 1-го предударного слога произносится почти с той же

силой, что и под ударением, а гласные других предударных слогов всегда значительно короче и слабее как ударенного, так и 1-го предударного гласных, с чем и связана возможность редукции гласных 2-го предударного слога вплоть до нуля» [Образование 1970: 357]. Такое устройство ритмической структуры окающих Владимирско-Поволжских говоров описывал и С.С. Высотский, отмечая в них предельную силу выраженности двухступенчатого распределения признаков безударности. При этом, по его данным, окающие новгородские говоры характеризуются совсем иной ритмической структурой, которая предполагает значительно менее выраженную двухступенчатость редукции [Высотский 1973: 34-38].

Ещё в 1970 г. в отношении вокализма Владимирско-Поволжских говоров К.Ф. Захарова замечала, что «характер гласных, выступающих при совпадении или различении гласных во 2-м предударном слоге, требует по существу инструментального изучения» [Образование 1970: 371]¹. Как представляется, инструментального изучения требует и характер гласных 1-го предударного слога, выступающих при различении гласных фонем после твёрдых согласных, причём как в восточных среднерусских окающих говорах, так и в западных. Интерес представляет и то, насколько совпадают или различаются системы окающего среднерусского вокализма запада и востока, а также то, как соотносится устройство ритмической структуры слова в этих говорах с возможностью/невозможностью полного оканья в них. Этим проблемам посвящено наше исследование. Материалом для него служат аудиозаписи, сделанные сотрудниками Отдела диалектологии ИРЯ в 2019 и 2022 гг. в деревнях Ильмень, Курицко и Хотяж Новгородского района Новгородской области (северо-западное побережье озера Ильмень), а также в 2009 г. в д. Лазаревка Гусь-Хрустального района и в 2012 и 2014 гг. в с. Татарово Муромского района Владимирской области. Результаты инструментального исследования качества (тембральных характеристик) и длительности гласных первого и второго предударных слогов, реализующих фонемы неверхнего подъёма после твёрдых согласных в данных говорах, будут представлены в докладе.

Литература

Высотский С.С. О звуковой структуре русских говоров // Исследования по русской диалектологии. Под ред. С.В. Бромлей. М., 1973. С. 17-41.

ДАРЯ 1986 – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.

¹ В упоминавшейся выше работе [Высотский 1973] приводятся результаты инструментального изучения длительности гласных в говорах разных типов, однако не приводятся результатов исследования их качества.

Марченко и др. – И. А. Марченко, О. Н. Долгов, А. С. Азанова, М. С. Замбжицкая, Е. А. Заливина, С. А. Землянская, Д. И. Мочульский, Е. И. Цейтина, Д. Г. Чистякова, Р. В. Ронько. База данных диалектологического атласа русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 14.04.2024).

Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Сологуб А.И., Строганова Т.Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии. М., 1970. 456 с.

Фонетическое описание и автоматическое распознавание иронии в речи

Вера Вячеславовна Евдокимова

(СПбГУ, доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков,
v.evdokimova@spbu.ru),

Павел Анатольевич Скредин (СПбГУ, заведующий кафедрой фонетики и методики
преподавания иностранных языков, p.skrelin@spbu.ru),

Ульяна Евгеньевна Кочеткова (СПбГУ, доцент кафедры фонетики и методики
преподавания иностранных языков, u.kochetkova@spbu.ru),

Рада Донатовна Герман (выпускница ООП магистратуры «Искусственный
интеллект в моделировании речевой деятельности», rada-german@yandex.ru).

Целью данной работы является разработка и реализация метода распознавания иронии в речи с применением нейросетевых технологий. Основное внимание уделяется созданию эффективной акустической модели, способной автоматически выявлять ироничные высказывания, что имеет большое практическое значение для улучшения качества анализа речевых данных.

Были поставлены следующие задачи

1. Обработать и описать корпус иронической речи. Собрать и подготовить данные для обучения и дообучения моделей распознавания иронии.
2. Оценить эффективность существующих систем распознавания речи.
3. Изучить и протестировать модель Wav2Vec 2.0
4. Собрать датасет с акустическими характеристиками речевого сигнала.
5. Обучить полносвязную модель распознавания иронии.
6. Дообучить модель Wav2Vec 2.0 для распознавания иронии.
7. Выявить наиболее эффективный алгоритм распознавания иронии.

Проанализировать полученные результаты и сделать выводы.

Материалом исследования служит корпус иронической речи (Kochetkova U. et al. The Speech Corpus for Studying Phonetic Properties of Irony //Language, Music and Gesture: Informational Crossroads. – Springer, Singapore – 2021. – P. 203-214).

Целевые фрагменты представляют собой омонимичные нейтральные и иронические высказывания, помещенные в соответствующий контекст.

В рамках данной работы был разработан алгоритм обработки корпуса, вычлещающий акустические характеристики по сигналу и разметке TextGrid.

Для сбора данных характеристик была выбрана библиотека Parselmouth, предназначенная для взаимодействия с программой акустического анализа Praat.

Также были рассчитаны коэффициенты MFCC (Mel-Frequency Cepstral Coefficients), которые учитывают спектральные особенности аудио сигнала в широком диапазоне частот, а также динамические характеристики звука.

В данной работе были исследованы два подхода к распознаванию иронии при помощи нейросетевых технологий: обучение полносвязной нейронной сети на основе акустического датафрейма и дообучение модели Wav2Vec2. Каждая из этих моделей была оценена с точки зрения их производительности и эффективности в задаче распознавания иронии.

Результаты, полученные в ходе обучения и тестирования модели полносвязной нейронной сети показали результат 94% точности на обучающей выборке и 73% на тестовой.

Далее был проведен анализ полезности признаков, которые передавались на обучение (Feature Importance), чтобы увеличить точность распознавания. Затем модель была обучена еще раз и точность повысилась до 96% на обучающей выборке и до 75% на тестовой.

После проведения перцептивной оценки корпуса и дообучения, обе модели показали увеличение точности после применения перцептивной оценки к корпусу. В частности, полносвязная нейронная сеть увеличила свою точность с 0.75 до 0.82 на тестовой выборке, и с 0.96 до 0.98 на обучающей. Результаты дообучения модели Wav2Vec 2.0 так же показали увеличение точности на тестовой выборке - с 0.73 до 0.79. Это может указывать на эффективность использования перцептивной оценки для улучшения производительности моделей на данном корпусе речевых данных.

Обе модели показали довольно высокий результат. Точность, полученная в ходе данных экспериментов, показывает, что с конкретной задачей лучше справилась модель, обученная на датафрейме с акустическими характеристиками. В связи с этим можно сделать вывод о важности проведения акустического анализа иронии в языке.

Особенности акцентуации числительных в сочетании с предлогом *на*

Александра Евгеньевна Журавлёва
научный сотрудник отдела фонетики
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
alsomova@yandex.ru

Произношение числительных имеет множество интересных особенностей, как, например, тенденцию к «упрощенному» произношению (ср. *пятьдесят* и *писят*, *тысяча* и *тыща*) или способность влиять на счетные формы имен существительных (ср. *после часа* и *через два часа*). В данной работе речь пойдет об особенностях акцентуации числительных *два* и *три* в сочетании с предлогом *на*. Наблюдение за произношением носителей современного русского литературного языка показывает, что и на данном участке орфоэпической системы числительные показывают определенную специфику.

Исследователи отмечают, что перенос ударения со знаменательного слова на служебное, скорее, явление периферийное для современного русского литературного языка [Алтайская 2018: 36]. Л.Л. Касаткин и Н. Юкая указывают, что ударение на служебных частях речи имеет тенденцию утрачиваться и переходить на знаменательное слово [Касаткин, Ukiah]. Предлог *на*, согласно орфоэпическим словарям [БОС 2017: 394], обычно произносится безударно (*на столе́*, *на окне́*). В то же время оговаривается, что иногда, в сочетании с определенными существительными и числительными, ударение может быть вариативным (*на́ берег* и *на бе́рег*, *на́ два* и *на два́*). Кроме того, отмечено, что ударение на предлоге свойственно для старшей произносительной нормы, а на знаменательном слове - для старшей.

Ударение на предлоге в сочетаниях *на два* и *на три* является не только возможным, но и достаточно распространенным. Представляется, что не только возраст респондентов является значимым фактором при акцентуации сочетаний предлога с числительным. Языковые факторы также важно принимать во внимание. Распространено мнение, что, если предмет счёта не указан (*разделить на́ два*), прослеживается тенденция к переносу ударения на предлог, а в случае указания предмета счёта (*разделить на два́ ряда / на́ два ряда*) такой перенос менее регулярен. Существуют и другие факторы, влияющие на постановку ударения в данном случае: например, изменение порядка слов (ср. *разделить на два́ ряда* и *разделить ряда на́ два*), наличие компаративной конструкции (ср. *разделить на́ два* и *больше на два́*).

С учетом этих факторов был проведен эксперимент среди носителей русского литературного языка, который подтвердил влияние наличия/отсутствия предмета счета и изменения порядка слов на перенос ударения на предлог *на*. Вывод о значимости перечисленных факторов подтверждается и корпусными данными: проанализировано 175 вхождений

сочетания *на два* и 160 вхождений сочетаний *на три* Мультимедийного подкорпуса НКРЯ.

Литература

БОС - *Каленчук М.Л. Касаткин Л.Л. Касаткина Р.Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017. 1024.

Касаткин Л.Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003.

Ukiah N.J. Stress in modern Russian inflection: patterns and variation. Doctoral thesis, University of London, 1996.

О произносительных подсистемах русского литературного языка

Мария Леонидовна Каленчук

главный научный сотрудник, зав. отделом фонетики

Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН

mkalenchuk@yandex.ru

Известно, что фонетические закономерности русского литературного языка не носят универсального характера и не охватывают весь словарный запас. Группы слов, выделяемые по различным основаниям, во многих случаях подчиняются не общим правилам системы, а специфическим закономерностям, противопоставляющим эти группы как системе целиком, так и друг другу. Предлагают выделять разные подсистемы на основании общности лексических пластов (заимствования, топонимы, термины и др.), грамматических свойств (аббревиатуры, служебные слова и пр.), частотности (подсистемы редких слов и сверхчастотных слов) и пр.

А возможно ли построить модель устройства произносительных подсистем на основании чисто фонетических критериев?

Критерий отнесения к *фонетической подсистеме* один – соответствие фонетическому закону, при котором процедура приведения фонемы к звуку опосредована только фонетической позицией. Например, фонема /о/ в первом предударном слоге после твердого согласного реализуется как [а°]: б[а°]ксёр, В[а°]лжанск, м[а°]рфема, н[а°]та́ция, к[а°]ви́д, зл[а°]па́мятный, пр[а°]фко́м, п[а°]бе́гать, п[а°]дка́ст, п[а°]све́ту. Среди приведенных примеров есть слова исконно русского происхождения и заимствованные, частотные и редкие, имена собственные и нарицательные, знаменательные и служебные, общенародные и терминологические, с одним корнем и сложные по строению, анализируемая фонема в одних случаях находится в корне слова, а в других в приставке.

Все то, что традиционно называют орфоэпией, не «вписывается» в процедуру приведения фонемы к звуку, свойственную фонетическому закону:

1. вариантность звуковой реализации одних и тех же фонем и вариантность фонемного состава одних и тех же морфем, происходящую в одинаковых фонетических позициях, например: ж[а]ке́т и ж[ы°]ке́т; п[а]э́т и п[о]э́т; мили́ц[ыа]не́р и мили́ц[а]не́р; [д'и°]ка́н и [ды°]ка́н; вы́[м']пел и вы́[м]пел; дро́[ж'ж']и и дро́[жж]и; бу́ло[ч']ная и бу́ло[ш]ная; [л'и°и]тенáнт и [л'и°]тенáнт; д[э]во́енный и д[о]во́енный; ст[и°]нгазе́та и ст[°э]нгазе́та; ме[ш]на́ми и ме[ж]на́ми.

2. Но к орфоэпии традиционно относятся и те случаи, когда вариантов произношения конкретных слов, словоформ и морфем нет.

2.1. Сочетания букв, которые могут произноситься по-разному в разных словах или морфемах при одних и тех же фонетических условиях, например: не́что – не[ч'т]о, ничто́ – ни[шт]о́; отли́чник – отли́[ч'н']ик, двóечник – двóе[шн']ик; отягча́ть – отя[кч']а́ть, умягча́ть – умя[хч']а́ть;

риелтор – р[и́э]лтор, клиент – кл[и́э]нт; квартет – квар[т'э́]т, кортеж – кор[тэ́]ж.

2.2. Случаи, когда в слове имеются буквы или их сочетания, произношение которых не соответствует их обычному графическому значению, например: помощник – пом[о́ш]ник; семьсот – се[м]с[о́т]; близ – бли[з'] города.

Что объединяет все перечисленные типы орфоэпических явлений? Во-первых, во всех приведенных случаях речь идет не об универсальной закономерности, а о явлениях, «привязанных» к определенному слову или морфеме. Во-вторых, во всех случаях, приписываемых орфоэпии, нарушены правила чтения, свойственные русской графике, но для разных типов орфоэпических явлений это проявляется по-разному.

1. Морфемы с синхронно сосуществующей орфоэпической вариантностью звуков при одинаковом фонемном составе передаются на письме единообразно, что не дает возможности по написанию слова однозначно предсказать, как оно будет произноситься (*съехать* -/с/ъехать – [с'jэ́]хатъ и [сjэ́]хатъ).

2. При функционировании других орфоэпических явлений нарушается фонематический принцип русского письма, графический облик слова не дает возможности однозначно определить его фонемный состав и соответственно произношение:

2.1. при орфоэпической вариантности фонем морфемы передаются на письме единообразно, в противоречии с фонемным составом конкретной морфемы (*сонет* – со/н'э/т и со/нэ/т; *мылся* – мыл/са/ и мыл/с'а/);

2.2. по традиции разные фонемы передаются на письме не различно, а одинаково в разных словах и морфемах, (буквы *те* – /т'/екст и /т/ест, буквы *чн* – вэ/ч'/ность и очé/ш/ник, буквы *ие* – кли/ј/энт и ри/-/элторз).

2.3. фонемное значение буквы не выводится из написания слова, противореча ему (буква *щ* – помо/ш/ник, буква *з* – бли/з'/).

Во всех случаях, относимых к орфоэпии, одному и тому же написанию может соответствовать разное произношение при условии тождества фонетических условий.

Можно предположить, что все произносительные факты языка группируются в две подсистемы – *фонетическую* и *орфоэпико-графическую* (объединяет различные случаи орфоэпической вариантности, задающиеся списком и не позволяющие определить произношение слова или морфемы по их написанию).

**Проблемы реализации многоязычных фонетических корпусов:
технические, содержательные, структурные и инструментальные (из
опыта построения Мультиязыковой Многоаспектной Фонетической
Базы Данных Русского Языка ММФБД РЯ)**

Галина Евгеньевна Кедрова
Наталья Изяславовна Миронова
Сергей Борисович Потемкин
МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет
kedr@philol.msu.ru

В докладе будут рассмотрены основные этапы разработки в Лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Мультиязыковой Многоаспектной Фонетической Базы Данных Русского Языка (ММФБД РЯ), в которую включены звучащие материалы, полученные от носителей русского языка и иностранных дикторов – носителей четырнадцати языков разного фонетического и грамматического строя. Проанализированы разные подходы для решения технических, содержательных, структурных и инструментальных (исполнительских) проблем, наиболее часто возникающих у разработчиков многоязычных речевых корпусов². Аргументировано обоснование выбора решений для перечисленных видов проблем в процессе формирования ММФБД РЯ. Рассмотрены технические вопросы, связанные с акустическими и техническими условиями записи речевого материала (выбор типа и количества микрофонов, звуковой карты компьютера, режима цифрового кодирования и формата звуковых файлов, акустическая среда записи, тип канала связи и пр.). Содержательные вопросы более разнообразны, однако они являются принципиальными и определяют основу архитектуры БД. Основные проблемы, которые необходимо было решить разработчикам в отношении содержания БД: выбор дикторов (количество, пол, возраст, диалектные различия, образование, социальное положение, профессия и пр.); создание типовой анкеты диктора с набором ключевых характеристик; выбор типа текстового материала (специализированный/репрезентативный), параметры репрезентативности (фонетически сбалансированный/не сбалансированный, тип балансировки, статистическая представительность звуковых единиц и т. п.), выбор формата и размера произносимых речевых образцов (слова, отдельные предложения, тексты, спонтанная речь), распределение текстового материала по дикторам, включая количество подходов для каждого диктора, распределение речевого материала на тренировочную и тестовую части. Исполнительские (инструментальные) вопросы, также требующие решения на начальном этапе: выбор формы представления информации, ассоциированной с каждым звуковым файлом (орфографическая запись, фонемная запись/фонетическая транскрипция реального произнесения, акустико-фонетическая разметка

² Кривнова О. Ф., Захаров Л. М., Строкин Г. С. Речевые корпуса (опыт разработки и использование) //Сборник трудов Международного семинара Диалог. – 2001. – С. 230-236.

звукового сигнала, прочие типы аннотаций и комментариев). Структурные вопросы касаются организации информации, содержащейся в корпусе, в формат, удобный для размещения, хранения, поиска и использования нужной информации (структура директорий и файлов, создание протоколов и пр.). В результате проделанной работы разрабатываемая Мультиязыковой Многоаспектной Фонетической Базы Данных Русского Языка в соответствии с международной классификацией речевых корпусов является комплексной специализированно-репрезентативной базой, дополненной функционалом учебно-иллюстративных мультимодальных ресурсов³. ММФБД РЯ предоставляет широкие возможности для изучения фонетической интерференции родного и изучаемого языка, в частности возможность выбора языков для сопоставления, пола диктора, типа ритмической структуры, слова и фразы, а также возможность многократного прослушивания звучания выбранного фрагмента и просмотра его акустического представления на осциллограмме, сонаграмме и инотонотграмме, что позволяет использовать её как в исследовательских целях, так и в обучении русскому языку как иностранному с учетом фонетической системы родного языка.

³ Кривнова О. Ф. Речевые корпуса на новом технологическом витке //Речевые технологии, № 2, 2008. С. 13-23. Электронный ресурс. URL: <https://speechtechnology.ru/assets/files/2-2008.pdf#page=13>. Дата доступа: 01.07.2024.

Квантовая фонология языка

Евгений Флорентович Киров

профессор департамента филологии института гуманитарных наук Московского
городского педагогического университета

evg-kirov@mail.ru

Фонология языка состоит из частных фонологий, одной из которых является квантовая фонология, основанная И.А. Бодуэном де Куртенэ. Он выделил фонему как аккорд кинем, акусм и кинакем, которые и являются квантами фонемы, т.е. различительными признаками (РП) фонемы. Нижним уровнем модели языка являются РП фонемы. Это эксплицитно было выражено Э. Бенвенистом в книге «Общая лингвистика», в которой особо выделяется мерисматический (признаковый) уровень языковой системы [Бенвенист 1974].

Самостоятельный характер различительного признака как такового предполагает наличие релятивного системного значения у фонемы, которое образуется при помощи элементов значения различительных признаков, таких как, отдельно понятая огубленность, верхний подъем гласных и т.д., хотя Р.О.Якобсон отрицает наличие какого-либо значения у фонемы [Якобсон 1985, с.73].

Различительный признак фонемы представляет собой звуковой жест, понятный и сам по себе, например, огубленность как РП фонемы может пониматься в русском и других языках как нечто круглое, находящееся вокруг или около: о-круга, о-хватить и т.д. В немецком языке подобную семантику имеет огубленность в звуке *u*, который наблюдается в приставке *um-fassen*, *um-kreisen* и т.д. Звук со значением «о» (что-то находящееся вокруг) может входить в корень типа «дом», «лом», «ком» и т.д.

Релятивная, исходная, звукосимволическая семантика таких слов была исследована А.П. Журавлевым в работе «Фонетическое значение» [Журавлев 1974] и получены значительные результаты. В качестве теоретического основания релятивно-семантического анализа фонемных единиц и их признаков может служить представление об идиолекте как индивидуальном языке. Целесообразно рассмотреть идиолект как язык говорящего и язык слушающего, а социолект как язык общества, говорящего на том или ином языке. Тогда кинемы окажутся единицами языка говорящего, а акусмы – единицами языка слушающего, кинакемы – языка общества, как это и представлял себе И.А. Бодуэн. Следует отметить, что в системе терминов Бодуэна отсутствуют прообразы выделенных единиц, поскольку кинемы, акусмы и кинакемы представляют собой образные единицы. В этом случае целесообразно добавить прообразы к выделенным Бодуэном единицам: акусме как образу должна соответствовать акуста как прообраз, кинеме как образу – кинета как реальный прообраз артикуляционной единицы, кинакеме – кинакета как реальная акустико-артикуляционная единица. Еще раз подчеркнем, что в системе Бодуэна отсутствуют прообразы введенных им единиц.

Именно они при озвучивании представляют собой звуковые жесты, о которых речь шла выше, при этом огубленность приобретает семиотическое качество фоносимволической (по определению Р.О. Jakobsona) единицы, которая в системе терминов Н.И. Ашмарина была названа мимемой [Ашмарин 1925]. На звуковых жестах была построена теория русских символистов начала XX века о придании звуковой семантики русским словам и создании поэтизмов на этой основе. Напомним, что А.Е. Крученых написал стихотворение звукосимволического толка в сборнике 1912 года «Помада»: «Дыр бул щил убещур скум вы со бур л эз...» [Крученых 1913]. Такое положение дел вносит определенное сомнение в принцип произвольности языкового знака, открытый и возведенный в абсолют Ф. де Соссюром.

Литература

Бенвенист Э. Общая лингвистика: пер. с франц. М.: Прогресс, 1974. 436 с.

Якобсон Р.О. Звук и значение // Избранные работы / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С.31-91.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языкознание // Избранные труды по общему языкознанию: т.2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 209-235.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 160 с.

Ашмарин Н.И. Подражания в языках Среднего Поволжья // Труды Азерб. ин-та общ. наук, 1925. Вып. 1-2. С. 143-157.

Крученых А. Е. Помада. М.: Изд-во Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, 1913. 7 п.л.

Моросчитание в русском песенном стихе

Юрий Александрович Клейнер

Профессор кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой

Санкт-Петербургского государственного университета

yurikleiner@hotmail.com

Явления, фонетическим выражением которых служит длительность, помимо протяженности, не связанной с сегментацией, включают фонологическую «долготу», различительный признак, противопоставленный «краткости», и «количество», в котором долгота сегмента участвует в организации речевой цепи. Последнее относится, в том числе, к просодическому равенству слогов, долгих «по природе» (/ (C)V:-C/) и «по положению» (/ (C)VC-C/) и последовательности двух кратких слогов (/ (C)VCV-C/).

В русском языке полногласие, разрушившее противопоставление двух типов долгих слогов (/ (C)V:-/) и / (C)VC-C/) и сделавшее основной просодической структурой русского языка слог открытый реально (/ (C)V-CV/) или потенциально (/CV-C#V/, с ресиллабацией на границах морфем и слов), вызвало и утрату количественных/долготных различий. При этом длительность, бывшая выражением смыслоразличительной долготы, стала одним из коррелятов ударения, наряду с интенсивностью и движением тона.

Удлинение гласного, причем не только ударного, может выполнять фоностилистическую функцию (*па-а-па, па-а-почка*), а также служить грамматическим маркером, например, вокатива: *Мак-си-им!, Вася-я!*. В односложных формах «гласный приобретает двухчастный характер, когда между двумя компонентами образуется гортанная смычка или амплитудный перепад»: *па-ап* /p[a-a]p/, *Ва-ась* /v[a-a]s'/ (Янко 2008). Во всех перечисленных случаях речь идет о сугубо фонетическом явлении – абсолютной длительности, не участвующей в противопоставлении гласных по длительности и слогов по количеству.

То же относится к пению, где оба вида распева – удлинение и многочастность гласного в стихе – используются для заполнения музыкального такта: *отво-ри* [i:], *потихо-о-о-оньку* («Калитка»).

В отличие от литературного стиха, где слог соответствует «мельчайшей части ритма», в народной песенной поэзии он «иногда приходится на две такие части ритма, – иначе говоря, растягивается вдвое, что возможно ... только при пении» (Корш 1896: 1). Эту мысль позднее развил Н. С. Трубецкой: «В народном песенном стихосложении словесный текст неотделим от музыкального напева, и потому в нем играют роль не только ударения, но и “долгота” и “краткость”» (Трубецкой 1987: 371). Противопоставление «долготы» и «краткости» в фольклорном стихе позволяет рассматривать язык традиционной поэзии как относительно

самостоятельную систему, не полностью совпадающую с естественным языком данной поэтической традиции.

В качестве примера Н.С. Трубецкой приводит частушку:

*Пляши, М̄атв̄ей,
Не жал̄ей лапт̄ей!
Матка л̄ы̄к надер̄ёт,
Тят̄ька новых наплет̄ёт.*
(Трубецкой 1987: 374).

Существует вариант с двусложным *лыки* на месте *л̄ы̄к*, без удлинения. Вариативность *л̄ы̄к* ~ *лыки* сходна с распушением греко-латинского типа $/(C)V:/ = /(C)V\bar{C}V/$, также использовавшегося в метрике. Однако в отличие от греческого, где противопоставление долготы : краткости (гласных и слогов) относится и к естественному, и к поэтическому языку, в русском ни то, ни другое не обладает самостоятельным фонологическим статусом. Варьирование $[V:] \sim [V-V]$, которое может интерпретироваться и как комбинаторное, и как факультативное с точки зрения естественного языка, приобретает дополнительную метрическую функцию лишь в языке определенной фольклорной традиции, где оно может описываться, в том числе, и в терминах «мор» и «диморов» (краткий и долгий слог, соответственно).

Литература

Корш Ф. Е. О русском народном стихосложении: 1 Былины // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1896 Т. 1 Кн. 1 С. 1–45.

Трубецкой Н. С. О метрике частушки // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 371–390.

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. Москва: Языки славянских культур, 2008.

Интонационная фонология русского языка: «шляпные» конструкции

Сергей Владимирович Князев
Институт русского языка РАН им. В.В.Виноградова
главный научный сотрудник
syknia@gmail.com

Термин «шляпа» ('hat') введен в широкое употребление представителями нидерландской школы перцептивного анализа интонации [Cohen and 't Hart 1967: 183] для описания мелодического контура, состоящего из а) начального незначительного понижения тона (деклинации) в нижнем регистре, б) резкого повышения тона, в) участка с небольшим понижением (деклинацией) в верхнем регистре, г) резкого понижения тона, д) конечного участка с деклинацией в нижнем регистре, продолжающего начальный. Изначально «шляпой» назывался восходяще-нисходящий мелодический контур как с задержкой падения, так и без ровного участка между повышением и понижением частоты основного тона (ЧОТ). Впоследствии эти типы были разграничены как 'flat hat' и 'pointed hat' ['t Hart et al 1990], в терминологии М. Пост применительно к русскому материалу – «широкая шляпа» и «острая шляпа» [Пост 2007; Post 2005, 2008].

В докладе анализируется интерпретация этих конструкций в русском языке в терминах автосегментно-метрической фонологической модели [Pierrehumbert 1980; Beckman, Pierrehumbert 1986; Beckman et al. 2005].

Исследование «шляпных» конструкций, используемых в литературном и диалектных вариантах русского языка для оформления общего вопроса, показало, что соответствующие мелодические контуры отличаются друг от друга характером фразового тона ('phrase accent'): в стандартном варианте этот тон низкий, в восточных севернорусских говорах – высокий, в западных севернорусских он отсутствует.

Экспериментально-фонетический анализ тонального оформления специальных вопросов литературного русского языка свидетельствует о том, что «шляпный» контур в них принципиально отличается от того, что был описан Е. А. Брызгуновой для восклицательных предложений как ИК-5 [Брызгунова 1980: 115–116]. Это отличие заключается не только (и не столько) в отсутствии понижения тона на плато между восходящим и нисходящим акцентами частного вопроса [Кодзасов 2009: 21], сколько в тайминге ядерного (нисходящего) акцента: в восклицаниях падение тона начинается существенно позже (на ударном гласном акцентированного слова), чем в специальных вопросах (на согласном, предшествующем ударному гласному). Тем самым, эти контуры нельзя считать одной и той же интонационной конструкцией: фонетически они противопоставляются друг другу точно так же, как ИК-1 и ИК-2 [Igarashi 2005], и соотносятся при этом с разными коммуникативными значениями. Отметим также, что на этом основании нейтральные вопросы с вопросительным словом, оформленные

при помощи «шляпного» контура, не могут быть интерпретированы и как ИК-2 (cf. [Брызгунова 1980: 112, рис. 33]).

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука, 1980, 103–118.

Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур,

Post M. К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня V. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 156–157.

Beckman, M. E., Pierrehumbert, J. (1986). Intonational structure in Japanese and English. *Phonology yearbook*, 3, 15–70.

Beckman, M. E., Hirschberg, J., Shattuck-Hufnagel, S. (2005). The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. Prosodic typology. *The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 9–54.

Cohen, A. and J. 't Hart (1987). On the Anatomy of Intonation. *Lingua* 19: 177–192.

Hart, J. 'T, Collier, R., and Cohen, A. (1990). *A Perceptual Study of Intonation: An Experimental Phonetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pierrehumbert, J. B. (1980). *The phonology and phonetics of English intonation*. Ph.D. diss., Massachusetts Institute of Technology.

Post, M. (2005). The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. *Doctoral dissertation*. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005.

Post, M. (2008). Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas. P. 233–236.

Igarashi, Y. (2005). How many falling intonation patterns in Russian?: categories of F0 alignment. *Programme & Book of Abstracts: Between and Stress and Tone. The Between Stress and Tone (BeST)*. (June 18, 2005, The International Institute for Asian Studies, Leiden, Netherlands), 32–33.

***Мутит* и *замутит* – акцентуационная вариативность словоформ в составе фразеологизмов и свободных сочетаниях**

Татьяна Николаевна Коробейникова
Научный сотрудник отдела фонетики
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
tkorobejnikova@inbox.ru

В формах глаголов *мутит* и *замутит* словари (как орфоэпические, так и толковые) дают варианты акцентуации на основе и флексии как равноправные вне зависимости от значения слов. Во фразеологизме *воды не замутит* «Большой орфоэпический словарь» под ред. Л.Л. Касаткина и «Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Н.А. Еськовой рекомендуют ставить ударение только на флексию. Но исследования [Богданова 2002, Коробейникова 2023] показали, что в словоформах в составе фразеологизмов часто наблюдается сегментная и просодическая вариативность. Значит, можно выдвинуть гипотезу о том, что акцентуационная вариативность также затронула глагольную словоформу во фразеологизмах *воды не замутит* и *мутит воду*⁴ под влиянием общей тенденции к переносу ударения на основу в личных формах глаголов на -ить. Кроме того, интересно сравнить варианты произношения словоформ *замутит* и *мутит* в разных значениях.

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова даются следующие значения слов **замутить**¹ и **замутить**²:

1. **ЗАМУТИТЬ**, -мучу́, -мутíшь и -му́тишь; 1. что. Сделать мутным. 2. безл. Разг. Начать мутить, тошнить. ◇ Воды не замутит кто.
2. **ЗАМУТИТЬ**, -мучу́, -мутíшь и -му́тишь; Разг. Начать мутить.

В поэтическом подкорпусе НКРЯ словоформа *замутит* встречается в стихотворных текстах XVIII-XX веков 10 раз в 10 текстах в разных значениях, в 2 из этих текстов рифма указывает на наосновное ударение, но их авторы родились и выросли в провинциальных городах, поэтому эти произведения не могут быть надежным свидетельством распространенности акцентуационных вариантов в речи носителей литературного произношения. Словоформа *мутит* в поэтическом подкорпусе НКРЯ встречается 89 раз в 83 текстах, в том числе в составе фразеологизма *мутит воду*. При этом ни в одном из них рифма однозначно не указывает на наосновное ударение: оно либо падает на окончание, либо слово находится в середине строки и точно говорить о месте ударения нельзя.

Чтобы проверить, как в настоящее время произносят эти словоформы носители русского литературного языка, был проведен эксперимент, в ходе которого испытуемые читали списки предложений, включающих одни и те

⁴ Этот фразеологизм не дается в орфоэпических словарях, но в нем, как кажется, должны отражаться те же произносительные процессы, что и в *воды не замутит*.

же словоформы в составе фразеологизмов и в свободных сочетаниях. В эксперименте участвовали 50 человек из 3 возрастных групп. Респонденты были москвичами во 2-3 поколении с высшим образованием.

Таблица. Результаты эксперимента по произношению форм *замутит* и *мутит*.

Словоформы в составе фразеологизма (◇) и свободном употреблении	Старшая группа (от 60 лет) 14 человек	Средняя группа (30-60 лет) 16 человек	Младшая группа (до 30 лет) 20 человек
Заму́тит/замути́т (глаза)	28%/72%	44%/56%	90%/10%
◇ Воды не заму́тит/замути́т	25%/75%	75%/15%	90%/10%
Заму́тит/замути́т (безл.)	14%/86%	56%/44%	85%/15%
Му́тит/мути́т (безл.)	14%/86%	31%/69%	45%/55%
◇ Му́тит/мути́т воду	36%/64%	56%/44%	90%/10%

Данные таблицы показывают, что вариативность в акцентуации присутствует в обеих словоформах в разных значениях, как в свободных сочетаниях, так и в составе фразеологизмов, при этом в старшей группе во всех случаях преобладает вариант с ударением на флексии, в младшей превалирует наосновное. Лучше всего ударение на окончании сохраняется в словоформе *мутит* в безличном значении, однако и ее почти половина представителей младшей группы произнесли с ударением на основу. Думается, что распространению наосновного варианта ударения способствует его звучание в СМИ⁵, а также частотность словоформ *мутит* и *замутит* в речи в разговорном значении ‘организовать, создать, приготовить что-л.’, при употреблении которых ударение часто ставится на основу. О частотности этих словоформ в речи свидетельствуют данные опроса среди 27 участников эксперимента: 22 из них назвали слово *замутить* частотным, 5 человек – не очень частотным, на просьбу составить предложение с этим словом многие опрошенные приводили пример со словом *замутить* в разговорном значении (*Вот это вы крутой проект замутили! Что вы тут за блюдо замутили?*).

Таким образом, варианты заму́тит и замути́т, му́тит и мути́т сосуществуют как старшая и младшая произносительные нормы, как в свободных сочетаниях вне зависимости от значения, так и в составе фразеологизмов.

Литература

⁵ См., например, рекламу лекарства от отравлений «Фильтрум», на первой секунде которого диктор произносит «Дискомфорт и му́тит?» <https://vimeo.com/244799166>

Богданова Н.В. Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского языка. Докт. дисс. СПб 2002. 403 с.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, изд. 10, испр. и доп. / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: АСТ, 2015. 1008 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 1001 с.

Коробейникова Т.Н. Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм // Русская речь 2023 №2. С.29–42.

Кузнецов С.А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. Сост. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. С.- Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.

Акцентуация наречий на -о и соотносимых с ними частей речи с приставкой не-.

Елена Владимировна Корпечкова
научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
lelene@yandex.ru

Произношение некоторых наречий на -о и соотносимых с ними частей речи в современном русском языке характеризуются вариативностью, что отражено в большинстве современных орфоэпических словарей [Еськова, 2014; Резниченко, 2007; Каленчук и др., 2017]. Как правило, включена информация об ударении в предикативах, в наречиях рекомендуется то же ударение, что и в кратких прилагательных. При этом слова с приставками, в том числе с приставкой не-, как правило, не входят в словник, как «легко выводимые из производящих и не отличающиеся от них орфоэпической информацией» [БОС, 2017:5].

В докладе представлены экспериментальные данные о произношении некоторых наречий на -о с приставкой не- в сопоставлении с омонимичными им формами кратких прилагательных, предикативов, а также с наречиями без приставки. Респондентам, являющимся носителями русского литературного языка (жителям Московского региона в 2-3 поколениях, с высшим образованием или студентам ВУЗов), предлагались к прочтению специально составленные тексты, содержащие наречия с приставкой не-. С целью проследить зависимость произношения от возраста информанта, были выделены три группы респондентов: младшая (18-29 лет), средняя (30-60 лет), старшая (старше 60 лет).

В эксперимент вошли следующие наречия: 1) группа трехсложных наречий, недалеко, неглубоко, невысоко, нешироко; эти слова обладали территориальным различием в произношении, отраженном в памятниках древнерусского языка [Зализняк, 2011:] В отличие от омонимичных им форм кратких прилагательных, для данных наречий словари [Еськова, 2014; Резниченко, 2007] рекомендуют вариант с ударением на последний слог: недалекó, неглубокó, невысокó, неширокó, однако допускают и вариант с ударением на основу, в [Каленчук и др., 2017] с пометой «и допустимо старшее». 2) наречие, в которых словарь рекомендует ударение на последний слог: неумнó (вариант неúмно имеет запретительную помету не рек!), и обладающее равноправными вариантами нехитро; 3) наречие незавидно (в словарях отсутствует).

Эксперимент показал незначительное отличие в акцентуации наречий с приставкой не- по сравнению с наречиями без приставки. Как и в кратких прилагательных в форме ср.р., а также в наречиях без приставки, в произношении наречий неумно, нехитро в речи информантов, особенно младшей возрастной группы, распространен вариант с ударением на основе, что, предположительно, может отражать неосвоенность данного слова в речи молодых людей.

Таким образом, на современном этапе развития языка частотные, а иногда и преобладающие в речи образованных людей произносительные варианты могут иметь запретительные пометы, или, напротив, основным вариантом, предлагаемым словарем, может быть тот, что практически не встречается в речи. Экспериментальные данные показывают, что в ряде случаев требуется корректировка словарных рекомендаций.

Литература

Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянских культур, 2014. 536 с.

Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2010. 848 с.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. – М.: АСТ-Пресс, 2017. 1020 с.

Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка: около 10000 слов, все трудные случаи, все типы ударений, способы запоминания. – М.: АСТ Пресс Школа, 2021. 943 с.

Интонационный синтез: основные проблемы и возможные решения

Ульяна Евгеньевна Кочеткова

доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ

u.kochetkova@spbu.ru

Евгения Алексеевна Новолодская

выпускница ООП магистратуры «Искусственный интеллект в моделировании речевой деятельности» СПбГУ

s9501@bk.ru

Настоящее исследование посвящено рассмотрению интонационного оформления текстов различной длительности в современных системах синтеза речи с использованием методов глубокого обучения. Кроме того, в качестве возможного решения реализован собственный интонационный синтез с помощью модели Tacotron2 на материале корпуса CORPRES, созданного на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков.

Несмотря на заметные достижения в области речевых технологий, интонационный синтез является до сих пор несовершенным, что зачастую приводит к неестественности звучания или даже к ошибкам в постановке ударения или реализации коммуникативного типа. В связи с этим анализ достоинств и недостатков современных систем синтеза, а также предложение собственной модели интонационного синтеза представляется крайне важной и интересной задачей.

На начальном этапе исследования было проведено тестирование различных платформ, предлагающих синтез речи, на материале фонетически-представительного текста «Был тихий серый вечер», поскольку данный текст предполагает реализацию всего разнообразия интонационных конструкций. Кроме того, были составлены фразы, отличающиеся по длине и по положению фразового ударения. В ходе экспертного слухового, акустического и перцептивного анализа были установлены основные ошибки в интонационном оформлении различных синтаксических конструкций. Проведенный анализ позволил определить несколько ключевых аспектов, важных для совершенствования систем синтеза речи на русском языке.

Далее были исследованы современные нейронные архитектуры для вокодеров и декодеров, а также рассмотрены примеры их применения крупными корпорациями. Это позволило выбрать модель Tacotron 2 как наиболее удачное решение, находящееся в открытом доступе. Кроме того, были рассмотрены различные датасеты для русского языка, поскольку в современных технологиях синтеза речи важную роль играет качественный речевой корпус, являющийся основой для обучения и совершенствования алгоритмов синтеза. Процесс создания речевого корпуса и выбор подходящих материалов имеют решающее значение для достижения естественности, выразительности и высокой точности синтезированной речи. В связи с этим в качестве корпуса для обучения модели Tacotron 2 был выбран CORPRES – речевой корпус, созданный на кафедре фонетики и

методики преподавания иностранных языков СПбГУ. Данный речевой корпус содержит записи чтения, порожденные профессиональными дикторами. Подробная фонетическая аннотация корпуса включает в себя и просодический уровень, на котором отмечены различные интонационные явления: синтагматические границы, интонационный центр, модель и др..

Выбранный корпус необходимо было подготовить в соответствии с методологией оригинального набора данных LJSpeech, созданного для модели Tacotron2. Затем проводилась более глубокая работа с исходным кодом NVIDIA Tacotron2. После обучения декодера проводилась работа с вокодером: вместо оригинального WaveNet был использован HiFi-GAN. Слуховой и акустический анализ синтезированных фраз показал, что синтез интонационных контуров получился разнообразным и сопоставимым с реализацией контуров диктором. Результаты исследования позволили выявить основные проблемы интонационного синтеза, а также эффективность использования речевого корпуса, содержащего интонационную аннотацию, для обучения модели Tacotron2.

Опыт логико-гносеологической классификации методов фонетики

Сергей Александрович Крылов
Ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН
krylov-58@mail.ru

Фонетика (далее для краткости **Ф**) как наука (= $\Phi_{1.1b}$) делится на несколько субдисциплин на основе тех **методов**, которые в ней применяются.

I. **Ф** делится на

I.1. **чистую** (= **непосредственную //прямую**) vs.

I.2. **опосредованную**, включающую также и **метафонетику**, то есть науку о том **метаязыке**, на котором изложены сведения о звуках языка-объекта.

(I.1) делится на

(I.1.a) **интроспективную** **Ф** (она изучает **собственное** произношение и слуховое восприятие **фонетиста** на основе его фонетического чутья, его фонетической интуиции) vs.

(I.1.b) **аудитивную** **Ф** (она изучает **чужое** произношение и слуховое восприятие **информанта** – носителя языка на основе слухового наблюдения фонетиста над **другими** индивидами).

(I.1.a) применима лишь к коду (языку или диалекту), которым фонетист владеет в совершенстве (бессознательно, автоматически), т. е. преимущественно к **родному** коду фонетиста.

(I.1.b) включает, в отличие от (I.1.a), **полевую** **Ф**. живых кодов

(I.2) ⁶ делится на

(I.2.a) **инструментальную** ⁷ – применяющую инструменты (типа **диктофонов** или **сонографов**), искусственно созданные для этой цели ⁸ vs.

(I.2.b) **графематическую** – опирающуюся на такое вербальное визуальное средство (= код), как **письмо**, vs.

(I.2.v) **картографическую** (прибегающую к невербальному визуальному семиозису географической карты, в **ареальной** и **диалектной** **Ф**).

(I.2.b) делится на

(I.2.b.a) **традиционную** (социализированную, институциональную, общественно принятую, социально установленную, неспециализированную) vs.

(I.2.b.b) **специальную**.

У т. н. письменных кодов есть оба вида (I.2.b) – как (I.2.b.a), так и (I.2.b.b); а у т. н. бесписьменных – лишь (I.2.b.b).

Ядром (I.2.b.a) служит

⁶ Видом (I.2) (≈с 1980-х гг.) является (I.2') **компьютерная** **Ф**.

⁷ «**экспериментальная**» **Ф** – это «зонтичный» термин; он охватывает как (I.1.b), так и (I.2.a).

⁸ Метаязыковая специфика (I.b.a) состоит в использовании особого искусственного (визуального, оптического) метаязыка **сонограмм** для записи явлений инструментальной **акустической** **Ф**.

(I.2.б.α') **орфографематическая**, то есть такая Φ, сведения о которой основаны на корпусе орфографически правильных (т. е. в которых соблюдались **орфографические нормы**) текстов данной эпохи, в отличие от

(I.2.б.α'') **живой** (= **стихийной**, ≈ малограмотной) Φ, то есть от Φ, сведения о которой основаны на всём корпусе (т. е. в т. ч. и «малограмотных») текстов данной эпохи.

Ядром (I.2.б.α') является

(I.2.б.α'₁) **орфоэпическая** Φ, в отличии от

(I.2.б.α'₂) **просторечной** Φ.

(I.2.б.β) делится на

(I.2.б.β') **транскрипционную** и

(I.2.б.β'') **транслитерационную**.

(I.2.б.β') делится (не очень чётко) на

(I.2.б.β'₁) **научно-транскрипционную** vs.

(I.2.б.β'₂) **практически-транскрипционную**.

(I.2.б.β'') делится (не очень чётко) на

(I.2.б.β''₁) **научно-транслитерационную** и

(I.2.б.β''₂) **практически-транслитерационную**.

Эта классификация тривиально проецируется на сферу Φ_{I.1с}, (фонетических произведений или описаний). Для этого надо сдвинуть акцент с **процесса** фонетической деятельности на его **результат** (фонетический очерк).

Менее тривиальна её проекция (в аспекте эпистемологии, т. е. Φ_I) на сферу звукового строя языка (в аспекте онтологии, т. е. Φ_{II}) – на множество объективно существующих свойств звуков речи.

Напр., проекция (I.2.б.α'₁) на онтологию (Φ_{II}) даёт нам множество таких свойств, сведения о которых основываются на **условии орфоэпической правильности** (= на презумпции того, что носители данного языка декламировали орфографически правильные тексты именно так, как того требовала произносительная норма той эпохи). Орфоэпическая Φ_{II} отличается от (I.2.б.α'₂) **просторечной** Φ_{II}, для которой это условие не соблюдалось.

Графематическая Φ занимает весьма обширную часть общей Φ.

Звуковой материал весьма значительной части языков мира (как мёртвых, так и живых) доступен лишь через призму традиционных систем письма (а иногда лишь в транслитерации).

Кроме того, звуки реконструируемых праязыков и живых бесписьменных кодов доступны лишь в виде научной или практической транскрипции.

Фонологическое описание древнерусского вокализма

Андрей Александрович Курулёнок

Доцент кафедры русского языка Чжецзянского университета Юесю, Институт
европейских языков
akurulenok@yandex.ru

Фонема как ключевое понятие описания фонологической системы до сих пор не находит однозначной характеристики. Многие фонологические школы одним и тем же термином «фонема» называют разные языковые явления, что вызывает теоретические споры и дискуссии.

Основоположники московской школы рассматривали фонему как комплекс позиционно чередующихся звуков в пределах морфемы, тогда как Л.В. Щерба, Н.С. Трубецкой и другие фонологи называли фонемой класс звуков, имеющих общий набор смыслоразличительных признаков. Фонема щербовской школы и более абстрактная фонема московской школы, появившаяся в науке позже, – это реальные явления фонологической системы языка, но совершенно разного порядка.

В 1976 году Б.И. Осипов, опираясь на идеи М.В. Панова (1967), показал, что при правильном терминологическом определении фонологических понятий разные фонологические школы не опровергают, а дополняют друг друга. Интеграция фонологических идей способствует созданию фонологической классификации, которая представляет собой последовательные уровни системы фонологических единиц, находящихся в определённых отношениях.

На основном уровне находится *собственно фонема* – класс звуков, которые характеризуются идентичностью набора дифференциальных признаков (фонема в понимании Л.В. Щербы и Санкт-Петербургской фонологической школы). Фонемы, выступая в конкретном звуке в конкретном слове, реализуют более абстрактные единицы – синтагмо-фонему и парадигмо-фонему.

Синтагмо-фонему можно определить как фонему, охарактеризованную с учётом её позиции, с вычетом нейтрализованных признаков (пражская фонема, сильная и слабая фонемы Р.И. Аванесова). Наконец, *парадигмо-фонема* – это ряд позиционно чередующихся звуков («московская» фонема). В слабой позиции может выступать не только парадигмо-фонема (когда звук слабой позиции чередуется со звуком сильной позиции), но и *гиперфонема* (когда звук в слабой позиции вообще не имеет соответствия в сильной позиции или чередуется с несколькими звуками в сильной позиции), которую можно охарактеризовать как совокупность парадигмо-фонем, нейтрализованных в определённой позиции.

Такой подход, объединяющий разные фонологические теории, способствует развитию фонетико-фонологических исследований как в синхронии, так и в диахронии, а также помогает по-новому осмыслить отдельные проблемы русской исторической фонетики.

В качестве примера дадим характеристику древнерусского вокализма к моменту появления письменности, который уже в IX – XI вв. был представлен фонологическими единицами различного уровня.

На первой ступени фонологического анализа можно выделить десять *собственно гласных фонем*: <e>, <o>, <ь>, <ѣ>, <i>, <y>, <u>, <ѥ>, <a>, <ä>. Они противопоставлялись в одинаковых позициях по трём признакам – по подъёму, лабиализованности и ряду. Об этом говорят исторические грамматики русского языка, описывающие древнерусскую фонологию в духе Л.В. Щербы.

На второй ступени анализа выделяются *синтагмо-фонемы* – «сильные» (без нейтрализованных признаков, их количество равно числу собственно фонем) и «слабые» фонемы, которые не имели дифференциального признака ряда в результате нейтрализации по этому признаку оппозиций <e> ~ <o>, <ь> ~ <ѣ>, <i> ~ <y> в положении после мягких согласных. Таких синтагмо-фонем было три: <e>, <ь> и <i> (слабые фонемы по Р.И. Аванесову). Синтагмо-фонем, находящихся в позиции максимальной дифференциации и различавшихся по трём признакам, насчитывалось десять, поскольку все 10 собственно фонем могли полностью различаться после твёрдых согласных и тем самым дифференцировать слова (сильные фонемы).

На последней ступени анализа определяются парадигмо-фонемы, точнее *гиперфонемы* как совокупности фонем <o> и <e>, <ѣ> и <ь>, <y> и <i>, нейтрализованных по признаку передней / задней зоны образования в позиции после мягких согласных. Но звук в слабой позиции ([e], [ь] или [i]) чередуется с несколькими звуками в сильной позиции – после твёрдых согласных мог выступать как переднерядный ([e], [ь] или [i]), так и непереднерядный гласный ([o], [ѣ] или [y]). Соответственно, состав гиперфонем был представлен тремя единицами <o/e>, <ѣ/ь>, <y/i>.

В исторической фонетике определяющими становятся положения фонологической теории Л.В. Щербы, признающей фонемой единицу, которая прежде всего способна дифференцировать слова и которая определяется признаками, отличающими её от других фонем. Теория московской школы и её аванесовская разновидность также необходимы в исторической фонетике: они помогают воссоздать целостную картину сочетаемости фонем и характер их противопоставленности. Тем не менее в определении состава фонем в истории языка ведущую роль играет теория петербургской школы.

Артикуляционная фонология: идеи, методы, промежуточные итоги

Илья Сергеевич Макаров

Директор по науке и технологиям ООО «БиометрикЛабс»

speechprod_mak@mail.ru , im@biometriclabs.ru

Под **артикуляционной фонологией** (articulatory phonology) в современной теории речеобразования понимается научная область, исследующая алгоритмы и механизмы перехода от дискретной цепочки фонем (а также некоторой заданной просодической разметки порождаемого текста) к непрерывному артикуляционному потоку (и соответствующему акустическому сигналу) в данном языке. Впервые цели и задачи артикуляционной фонологии были сформулированы в пионерских работах **Луи Гольдштейна** (Louis Goldstein) в 80-тые годы. Классической работой, в которой был построен один из первых вычислительных артикуляционных модулей (task-dynamics model – модель динамики артикуляционных целей), стала публикация [1]. В последние два десятилетия в мировой науке наблюдается взрывной рост публикаций, связанных с этой тематикой. К сожалению, российской фонетической науке артикуляционная фонология практически неизвестна (обзор современного состояния этой научной сферы представлен в [2]).

Бурное развитие артикуляционной фонологии обусловлено следующими факторами: а) накопление больших массивов артикуляционных и акустических измерений (с помощью микролучевой рентгеноскопической установки, 2-х / 3-х мерных электромагнитных артикулографов, статической и высокоскоростной компьютерной томографии и других методов), б) развитие методов математического моделирования артикуляционных, акустических и аэродинамических свойств речевого аппарата и их апробация на механических репликах (например, на слепках различных артикуляционных органов, выполненных на 3D-принтерах), в) развитие методов искусственного интеллекта и их широкое внедрение в практику речевых технологий (автоматическое распознавание и синтез речи, голосовая биометрия).

Атомарной единицей артикуляционной фонологии является **артикуляционный признак** (articulatory tube feature, от tube – речевая труба), понимаемый как **значение** и **координата** площади поперечного сечения в определенной области речевого тракта (напр., смычка на губах, щель между передней частью спинки языка и передними резцами, и т.д.). Траектории изменения признаков во времени называются **артикуляционными жестами** (articulatory gestures). Временная организация планируемого текста на уровне артикуляционных жестов записывается в виде **партитуры** (intergestural score). Наборы артикуляционных признаков, их целевые значения, а также принципы организации партитур определяются фонологическими свойствами конкретного языка. Понятия признака и партитуры дают возможность с высокой точностью смоделировать разнообразные коартикуляционные явления, механизмы компенсационных

артикуляций, случаи **недострелов** (undershoot) в беглой речи, а также индивидуальные артикуляционные тактики.

Понятие партитуры дает возможность ввести в фонологическое описание естественных языков время. На моторном уровне каждое высказывание является скоординированной во времени структурой определенных артикуляционных жестов. Для различных входных фонемных цепочек эти структуры различны; вместе с тем, в каждом языке присутствует набор типичных (для данного языка) артикуляционных структур. В рамках артикуляционной фонологии такие структуры называются **фонологическими созвездиями** (constellations), или **фонологическими молекулами** (molecules). Одни созвездия соответствуют фонемам (в традиционном таксономическом понимании этого термина), другие — слогам и т. д.

В докладе планируется кратко рассказать об основных положениях артикуляционной фонологии, ее текущем состоянии и дальнейших направлениях ее развития.

Литература

1. Saltzman E., Munhall K. A dynamical approach to gestural patterning in speech production. *Ecological Psychology*, 1989, 1(4): 333-382.
2. Макаров И.С. Преобразование «цепочка фонем» → «речь» в динамических моделях: Обзор. *Вопросы языкознания*, 2024, 1: 128-155.

Не стоит ли редуцировать редукцию?

Юрий Юрьевич Макаров

научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; младший научный сотрудник Института языкознания РАН; аспирант Кембриджского университета

im562@cam.ac.uk

Редукция входит в список базовых лингвистических понятий. Несмотря на это, четкое ее определение найти в профессиональной и учебной литературе трудно. Как правило, вместо этого обсуждаются конкретные явления (например, гласные безударных слогов в литературном русском) или вводятся классификации (качественная vs. количественная редукция). Такая методическая расшатанность влияет и на то, как используется соответствующий термин: предварительный анализ англо- и русскоязычных лингвистических трудов XIX–XXI вв. показывает, что у *редукции* насчитывается несколько десятков разнообразных значений. Несколько огрубляя, можно сказать, что редукция зачастую — это *любое* изменение, связанное с сегментным составом слова.

Доклад начнется с краткого рассмотрения истории редукции — ее возникновения и закрепления в англо- и русскоязычном лингвистическом дискурсе (по материалам статьи [Макаров, 2024]). Затем основное внимание будет уделено проблематичности обсуждаемого понятия, в частности:

- **дихотомии качественная vs. количественная:** будет показано, что сфокусированность русскоязычной традиции на этих двух типах редукции может приводить к методическим и теоретическим проблемам; отдельный комментарий будет посвящен тому, как эта дихотомия соотносится с западной традицией и почему бывает легко определить русскоязычность автора, пишущего про редукцию по-английски;

- **редукции в фонетике и фонологии:** из-за того, что при рассмотрении редукции в отечественной традиции основное внимание уделяется вышеупомянутой дихотомии, зачастую редукция определяется без учета различий между фонетикой и фонологией (на важность которых обращал внимание еще Н. С. Трубецкой в «Основах фонологии»); в докладе будет рассмотрен пример таких проблемных определений, а также сделана попытка разграничить редукцию фонетическую и фонологическую;

- **универсальности редукции:** в какой степени редукция присутствует в речи на любом языке? Как кажется, отечественная традиция — не в последнюю очередь из-за чрезмерного внимания к дихотомии *качественная vs. количественная* — предполагает существование языков с редукцией и без нее (русский vs. итальянский, соответственно). Согласно современным фонетическим исследованиям, однако, такое противопоставление может быть как минимум спорно;

- **объекту редукции:** существует ли редукция согласных и как она соотносится с редукцией гласных? В обеих рассматриваемых традициях основное внимание уделяется редукции гласных, и лишь некоторая часть исследований изучает аналогичные явления среди согласных. При разработке

современной концепции редукции необходимо учитывать данные, полученные в этой области, и о них также пойдет речь в докладе.

В заключение отмечу, что основная цель доклада — привлечь внимание к тому, что такое на первый взгляд базовое и общеизвестное понятие, как редукция, в значительной степени проблематично, и современной фонетической теории требуется разработка новой концепции редукции. Более того, представляется уместным давать четкое определение тому, что имеется в виду под *редукцией* в лингвистических трудах или в некоторых случаях вовсе отказаться от этого термина в пользу более конкретных (например, *выпадение*, *централизация*, *сокращение*, *спирантизация*...).

Литература

Макаров Ю. Ю. Редукция: краткая история понятия (XVIII–XX вв.) // Русская речь. 2024.

Стратегии произношения сочетаний с одинаковыми гласными

Юрий Юрьевич Макаров

научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; младший
научный сотрудник Института языкознания РАН; аспирант Кембриджского университета

im562@cam.ac.uk

Софья Владимировна Седунова

студентка НИУ ВШЭ

sonya@pamiri.online

Вопрос о произношении сочетаний гласных в словах типа *оазис* или *Валаам*, как кажется, не был достаточно освещен в литературе, хотя он представляет интерес и с точки зрения стратегий устранения зияний в целом, и с позиции реализации сочетаний идентичных гласных в частности. В докладе будут изложены предварительные результаты корпусного исследования, показывающие, что носителями русского языка используются три основные стратегии: (I) вставка гортанной смычки [$v^{\text{h}}\text{əl}^{\text{h}}\text{a}'\text{ʔam}^{\text{h}}$], (II) стяжение [$v^{\text{h}}\text{ə}'\text{l}^{\text{h}}\text{am}^{\text{h}}$] и (III) произношение долгого гласного [$v^{\text{h}}\text{ə}'\text{l}^{\text{h}}\text{a}:\text{m}^{\text{h}}$], ср. Рис. 1–3. В известных нам описаниях упоминается стратегия II (Аванесов 1974: 107; БОС: 944; *inter alia*) либо стратегия IV, заключающаяся в сохранении двух гласных, часто одинакового качества (*ibid.*; Панов 1967:63; БОС: 943).

Стратегия IV обычно иллюстрируется транскрипциями типа [aá]. На наш взгляд, они крайне проблематичны: они не идентичны записи наподобие [a:] (ожидалось бы использование одного символа с обозначением долготы) и передают именно два разных звука. Остается неясным, что соответствует записи [aa] и чем [aa] отличается от [a:] акустически, а отсутствие инструментальных исследований с ясным иллюстративным материалом лишь усугубляет проблему. В связи с этим уместно проницательное замечание из работы Jones & Ward 1969: 213.

By saying that a sound is *doubled* we mean that it is repeated without any pause in its continuity. The effect of repetition is obtained not by stopping the sound altogether, but by diminishing the force of the breath in the middle of it. Thus a doubled **a** (written phonetically **aa**) is distinct from a long **a:**; also from two **a**'s separated by a pause (**a a**), and from two **a**'s separated by a glottal stop (**aʔa**), etc., etc. The difference between long sounds and doubled sounds is only important in the case of vowels. Doubled vowels constitute two syllables, and may therefore be treated differently from long vowels in the matters of stress and intonation.

Роль «силы дыхания» (*force of the breath*) в произношении сочетаний идентичных гласных, однако, остается неисследованной и вряд ли имеет внятные корреляты в фонетической реальности. Тезис о проблематичности обсуждаемых транскрипций также будет развит в предлагаемом докладе.

В нашей выборке представлены 42 токена — слова или сочетания слов, отображающих разные фонетические контексты и соответствующие разным графемам. Каждый токен проиллюстрирован несколькими (от 10 до 20) примерами, случайно отобранными с помощью сервисов поиска по

субтитрам на YouTube. Хотя таким образом нельзя обеспечить репрезентативность выборки, остается возможным показать, что стратегия существует, а также импрессионистически оценить ее частотность.

При описании исследуемых сочетаний гласных в литературе в качестве дополнительных источников вариативности рассматривается ударение и наличие границы между морфемами/словами (БОС; Аванесов 1974). Как кажется, такая классификация контекстов мотивирована прежде всего интересом к качеству используемых аллофонов. В нашем исследовании, напротив, рассматривается зависимость между типом контекста и выбором той или иной стратегии реализации зияния гласных, см. Таб. 1.

Таблица 1.

Рассматриваемые контексты; #/### — граница морфем/слов

Рисунок
Валаам,
произнесенное
смычкой
I). Рисунки 1—
подготовлены

Контекст	Примеры
а́а	<i>есть предшествующие слоги:</i> Валаам <i>нет предшествующих слогов:</i> Гаага
áа	африкаанс
аа	Чаадаев
а#а́	заахали
а́#a	?
а#a	заарканить
а́a###	мама Ани
а́a###	хвала Аллаху
аa###	панда Алины

1. Слово

с гортанной
(стратегия
З
с

использованием мужского голоса; на вертикальной оси указана частота в герцах

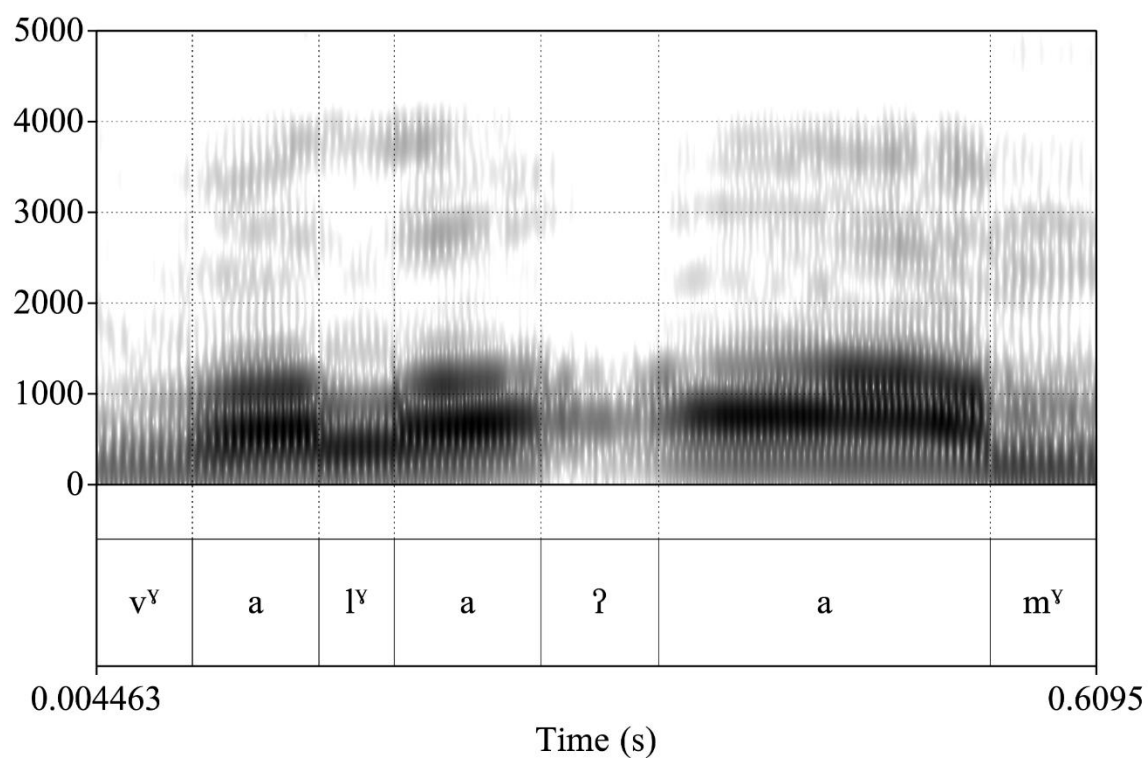
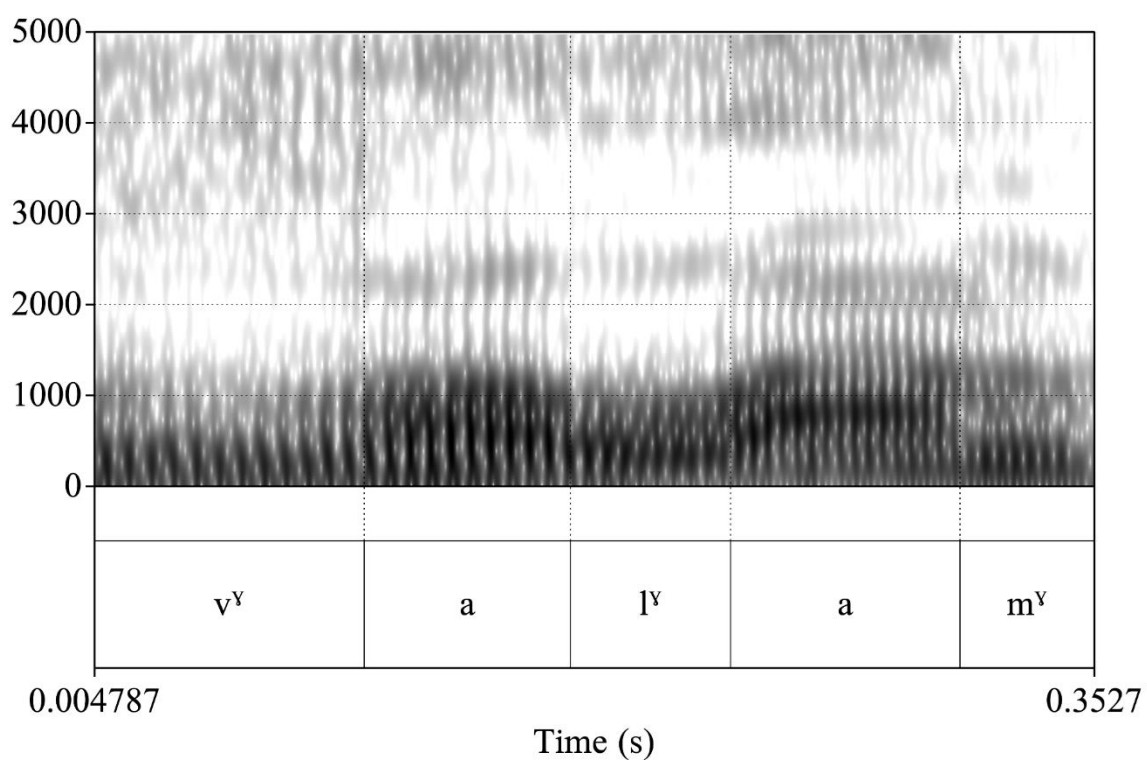
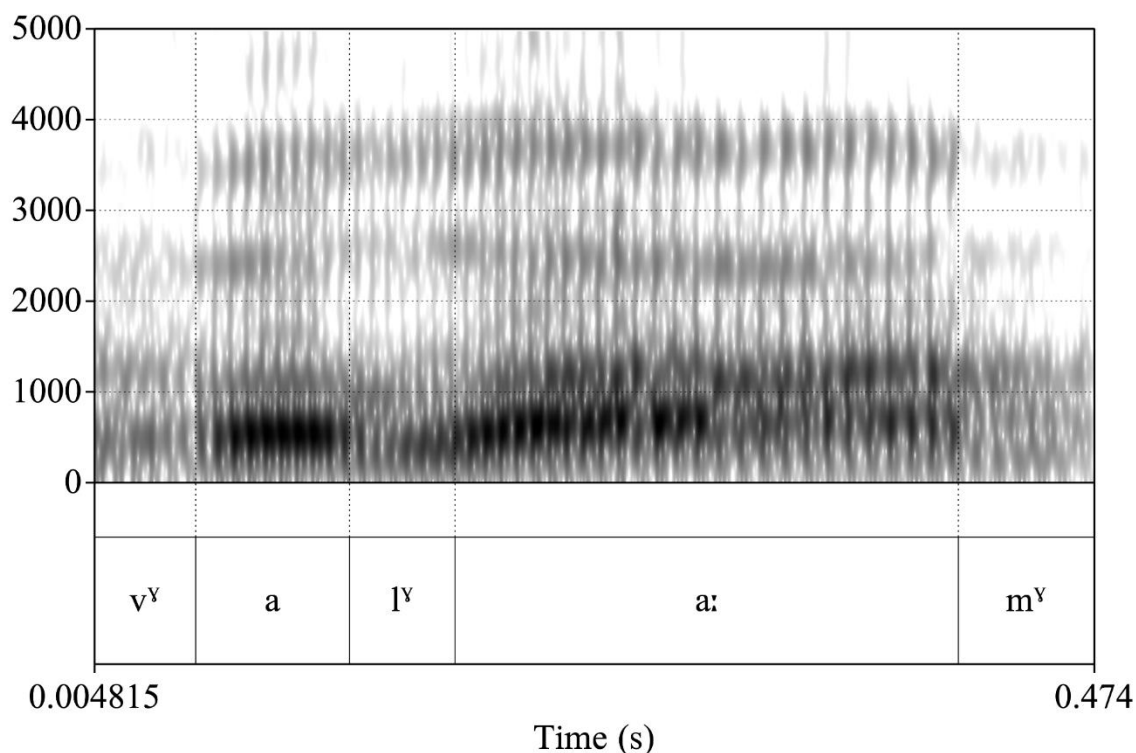


Рисунок 2. Слово *Валаам*, произнесенное со стяженным гласным (стратегия



II)

Рисунок 3. Слово *Валаам*, произнесенное с долгим гласным (стратегия III)



Литература

- Аванесов, Р. И. (1974). *Русская литературная и диалектная фонетика*. Просвещение.
- Каленчук, М. Л., Касаткин, Л. Л., & Касаткина, Р. Ф. (2017). *Большой орфоэпический словарь русского языка*. АСТ-ПРЕСС КНИГА.
- Панов, М. В. (1967). *Русская фонетика*. Просвещение.
- Jones, D., & Ward, D. (1969). *The Phonetics of Russian*. Cambridge University Press.

Специфические особенности согласных в говорах Саратовской области с южнорусской основой

Тамара Ивановна Мурзаева

доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики

Саратовского национального исследовательского государственного университета имени

Н.Г. Чернышевского

palma5109@yandex.ru

Саратовская область относится к территории позднего заселения, где бытуют разнотипные говоры вторичного образования, в том числе и с южнорусской основой. В результате экспедиций СГУ им. Н.Г. Чернышевского, проведенных под руководством автора в первые десятилетия XXI в., получены современные данные, позволяющие судить о степени устойчивости специфических особенностей согласных в рассматриваемых говорах.

В ряде южнорусских говоров Саратовской области последовательно употребляется [ɣ] (а также [ɣ']) фрикативный, который в конце слова оглушается в [x]: *пѣуѣварили, ууляли, пауип, пирауи; утюх, врах, вдрух, прых, дѣних, плух, друх, Алѣх, сних, вакрух, ни смох, рох*. Но в некоторых диалектах активизируется процесс утраты фрикативной артикуляции звонкой заднеязычной фонемы. В Клевенке Ивантеевского района у одних информантов [ɣ] и [г] встречаются одинаково часто: *уѣварю, бауатеи, иурают, приулядывались, леули* и в то же время *смагу, запрягут, гот, граблями*. Другие жители села чаще употребляют смычно-взрывной [г], хотя нередко обнаруживают и фрикативный [ɣ]. Некоторые информанты уже перешли на смычно-взрывную артикуляцию звонкого заднеязычного, однако в конце слов у всех наблюдается оглушение фрикативного заднеязычного: *крух, сних, набѣх, лѣх, аврах, нох, парох, денех, вдрух, налох, кних, падрух*. Оглушение смычно-взрывного звука встречается редко, обычно в вариантах *дѣник//дѣних, падру́к//падру́х, вдрук//вдрух* и в заимствованном слове *хиру́рк*. В с. Орлов Гай Ершовского района даже в речи жителей старшего поколения согласный [г] только смычно-взрывной. Но в конце слов в соответствии с фонемой /г/ произносят только [x]: *денех, плух, сних, Алех* и т. п.

В Саратовской области есть говоры, соотносимые по ряду признаков с Курско-Орловской группой исконной территории. Среди них диалекты сел Бартеневка, Ишковка, Николаевка и Чернава Ивантеевского района, в которых наблюдается переход от губно-губной к губно-зубной артикуляции фонемы /в/. Перед гласными произносят звук губно-зубного образования, а перед согласными и в конце слов обычно [w]: *w Бартѣниwки, w калхóзи, wсѣ, w чѣжык, w Ивантѣйиwки, тра́wку, даwно́, аwцу́, клáсьw, Сарáтъw, Чипáйиw, станкów*. У некоторых информантов в начале слов может наблюдаться звук у: *уну́к, узяли, учира́, у школах, уперѣт, у уорат*. В говоре с. Митрофановка Федоровского района также отчетливо сохраняются рефлексy губно-губной фонемы /в/. В то же время идет постепенный переход на губно-зубную артикуляцию не только перед гласными, но и перед

согласными, а также в конце слов. Примеры типа *внучка, в Маркси, в доми, фсе, лафки, ф кантори* уже не единичны, хотя менее частотны, чем случаи сохранения губно-губной артикуляции.

Одной из характерных особенностей в реализации согласных в потоке речи является прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных. В Большой Таволожке Пугачевского района, Дмитриевке, Куриловке Новоузенского района результаты этого процесса отмечены в разных позициях. После парных мягких согласных: *ско́льки, малéнька, до́чинька, динькя́, Та́нька, Ви́тька*; после мягкого [ч']: *пéчька, съмау́чька, вирёвъчька, дочька, внучька, тихничька, на печькю*; после [й]: *бълалáйкя, пристрóйкя, лъбаурéйкя, капейкя*. В Бартеневке и Николаевке прогрессивная ассимиляция заднеязычных после парных мягких согласных и [й] сохраняется в речи некоторых жителей села: *Ко́лькя, малéнька, ма́линька, То́ськя, ко́йкя, бълалáйкя, балалайкю*. В Чернаве следы этой ассимиляции отмечены после парных мягких согласных и [ч']: *дядинькя, маленькя, чириз речкю*. В Алексашкино Питерского района согласный [к] смягчается только после парных мягких согласных, причем более употребительными являются варианты с отсутствием данной ассимиляции, что свидетельствует о затухании этой диалектной черты.

Таковы наиболее существенные проявления диалектных особенностей согласных в современных говорах Саратовской области с южнорусской основой.

Особенности обучения китайских студентов русскому произношению на начальном этапе (на примере Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне)

Ван Мэнмэн

канд. филол. наук, преподаватель центра русского языка
Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай,

E-mail: 1223996532@qq.com

Статья посвящена вопросам, связанным с осмыслением особенностей обучения фонетическим звукам китайских учащихся начального этапа. Материалами для изучения являются данные анонимного анкетирования, в котором участвовал 41 студент-первокурсник МГУ-ППИ. В качестве основных методов изучения данной проблемы были выбраны анкетирование, анализ полученных данных и их синтез. В статье представлены основные трудности обучения первокурсников МГУ-ППИ, проанализированы причины возникновения этих проблем и предложены методы их решения.

МГУ-ППИ является первым китайско-российским совместным университетом, в котором лекции ведутся на русском, английском и китайском языках [<https://szmsubit.ru/istorija/>]. В связи с этим важно и необходимо выявить особенности обучения студентов русскому произношению на начальном этапе.

Обучение любому иностранному языку начинается с произношения. Это обусловлено тем, что «фонетика – один из разделов лингвистической компетенции учащихся, который требует особого внимания на начальном этапе обучения, так как нарушения, появившиеся на начальном этапе, как правило, сохраняются в речи и становятся устойчивыми ошибками» [Зубарева, 2019, с. 6].

В рамках данного исследования было проведено анонимное анкетирование, в котором участвовал 41 студент-первокурсник 2023-го года поступления. Основные трудности, с которыми сталкиваются китайские студенты, представлены на рис. 1.

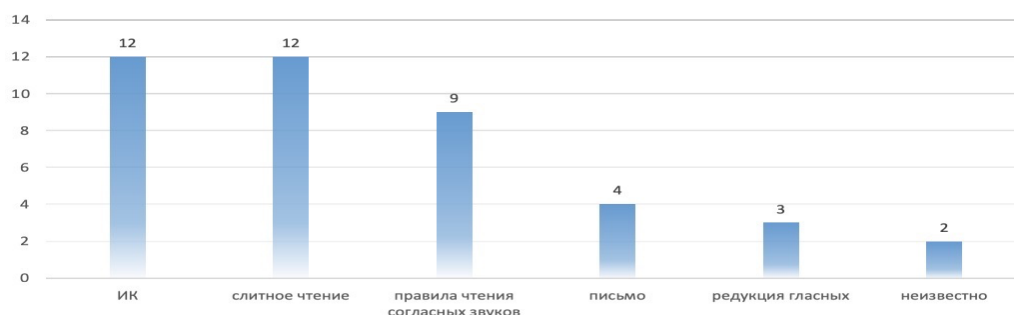


Рис. 1 Трудности в изучении русского произношения

На рис. 1 показано, что интонационные конструкции и слитное чтение являются самым трудным для китайских учащихся при обучении русскому произношению на начальном этапе.

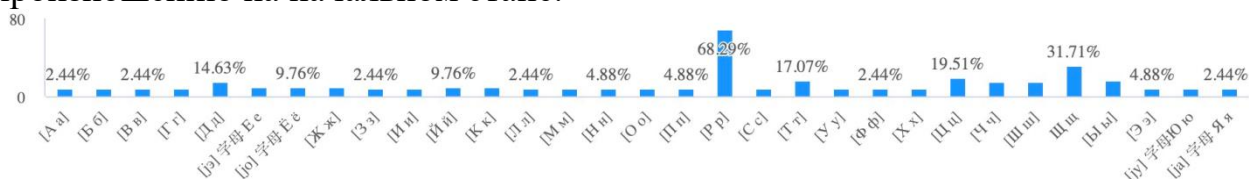


Рис. 2 Трудные звуки в русском языке

На рис. 2 показано, что в топ 5 самых трудных звуков входят [p], [ш], [ц], [т], [д].



Рис. 3 облако слов: факторы, оказывающие влияние на обучение русскому произношению

На рис. 3 видно, что следующие факторы могут оказывать влияние на обучение русскому произношению: 1) ударение; 2) вибрация языка; 3) английский язык; 4) привычки произношения; 5) много исключений; 6) недостаток практики чтения; 7) интонационная конструкция; 8) китайский язык и т.д.

Для повышения качества обучения русскому произношению первокурсников МГУ-ППИ предлагаем следующие варианты решения проблем:

Во-первых, необходимо учитывать роль родного языка в процессе обучения, поскольку студенты недостаточно владеют русским языком, чтобы понять объяснение преподавателя на начальном этапе.

Во-вторых, необходимо повышать квалификацию преподавательского состава. Разные методики, используемые преподавателями в процессе обучения, приводят к разным результатам, поэтому преподаватели русского языка должны применять методы, учитывающие привычки и особенности китайских студентов.

В-третьих, необходимо составить качественные упражнения для постановки и отработки звуков, которые трудны для китайских студентов. К

этим упражнениям обязательно прикрепить аудиозаписи, чтобы студенты могли слушать их в удобное им время. Китайские студенты привыкли к закреплению полученных на занятиях знаний с помощью выполнения большого числа упражнений.

В данном исследовании на основе метода анкетирования были рассмотрены особенности обучения русскому произношению китайских первокурсников в совместном китайско-российском университете МГУ-ППИ.

Результаты данного исследования могут быть использованы для улучшения качества обучения на вводно-фонетическом курсе в других совместных китайско-российских учреждениях или программах.

Литература

<https://szmsubit.ru/istorija/>.

Зубарева Е.С. Формирование фонетических навыков у китайских студентов на начальном уровне изучения русского языка – основные сложности и способы их решения. Магис... дис. Екатеринбург, 2019. 69 с.

Узусная интонационная норма: вероятность как фактор функционирования

Юлия Александровна Ненашева

доцент каф. англ. филологии, ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ

nenajalex@gmail.com

Изучение узусной интонационной нормы сопровождается рядом трудностей: узусная норма является некодифицированной, характеризуется высокой степенью вариативности ее составляющих и зависимостью от ряда факторов – социокультурных и когнитивных, обуславливающих эту вариативность. Решение этих трудностей лежит в плоскости когнитивно-дискурсивного подхода: обращение к узусной интонационной норме как к норме когнитивной позволяет апеллировать к вероятности как фактору функционирования узусной языковой нормы (Cutler et al 1997; Clayards et al 2008; Calhoun 2010; Kurumada, Roettger 2021). Обращение к вероятности становится еще более актуальным в контексте развития искусственного интеллекта и цифровых технологий, позволяющих синтезировать речь максимально приближенную к человеческой, особенно в области интонационной организации.

Вероятность в дискурсивной деятельности выполняет нормирующую функцию в двух направлениях:

– первое направление соотносится с категоризирующей деятельностью сознания – вычленением наиболее прагматически существенных признаков и организацию понятийного разнообразия в иерархически организованные группы языковых значений/смыслов (Косериу 1963:302). Прагматическая релевантность определяет ценность информации, передаваемой языковыми структурами (Шеннон 1963:334-336). В дискурсивной деятельности прагматическая релевантность связана с понятием полезности и априорного «общего/совместного» знания («common/shared knowledge»), а априорное знание соотносится с пресуппозицией (Kleinschmidt, Jaeger 2015).

– второе направление работы соотносится с формированием инварианта. Поскольку ценность передаваемой информации в дискурсивной деятельности связана не столько с новизной и редкостью, сколько с типичностью и повторяемостью (Моль 1961:103), следовательно, переход от неопределенности ментального содержания к конкретности речевого сообщения должен отражать некоторую устойчивую инвариантную меру ограничения разнообразия в процессе этого перехода (Урсул 1971:193). Инвариантность в этом смысле – ограничение разнообразия, связанное с ценностью выделяемых признаков для выражения коммуникативного значения, поскольку она отражает отбор общих и наиболее существенных признаков.

Исследования дискурсивной просодии показывают, что не существует однозначной соотнесенности ни между интонациями и выполняемыми ими прагматическими функциями (Grice et al 2017; Xu 2006), ни между

интонациями и синтаксическими структурами, входящими в дискурсивную единицу – высказывание (Carlson et al 2001). Очевидно, что вероятность как фактор функционирования узусной интонационной нормы позволяет сбалансировать две разнонаправленные тенденции, характеризующие просодическую организацию высказывания в дискурсе – категориальную инвариантность, обеспечивающую относительную стабильность просодической категории и субъективно обусловленную вариативность внутри этой категории (Roessig et al 2019). При этом выполняется главное условие существования нормы, которая является показателем наличия вариативности, эвристичности в дискурсе: «Норма... или отклонение от нее проявляются в том или ином использовании (выборе, отборе) сосуществующих в языковой системе однозначных элементов... Там, где нет возможностей выбора, нет и проблемы нормы» (Филин 1966:17; Солнцев 1984:34). Исследования просодии показывают, что изучение узусной интонационной нормы предполагает статистическую оценку кросс-категориальной и внутрикатегориальной вариативности (Arvaniti 2019). Это означает, что оцениваться должны не отдельные параметры интонационного контура, соответствующего той или иной категории, а робастность – количество составляющих просодической структуры) и способность этих составляющих выражать определенное значение в конкретном дискурсивном окружении, то есть субъективная вариативность проявляется не в выборе категории, а в степени вариативности этих параметров внутри категориальных границ вариативности (Cangemi et al 2015; Grice et al 2017).

Проблемы выделения клитик и их фонетической классификации

Никита Владимирович Никитин

младший научный сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

kindnick1999@gmail.com

В современной лингвистике по-разному понимают содержание и объем понятия *клитика*. Можно выделить две различные традиции определения клитик:

1) **фонетическая традиция**, где ключевым оказывается просодический критерий; в зависимости от его выбора выделяются **два подхода**:

а) клитики – безударные словоформы,

б) клитики – словоформы, неспособные образовывать самостоятельно фонетическое слово (просодически несамостоятельные);

2) **грамматическая традиция**, где в фокусе внимания оказываются синтаксические свойства клитик.

Далее речь пойдет о разнице между подходами, существующими внутри фонетической традиции.

Если считать клитику безударной словоформой, то, например, в *на́ голову*⁹ (*надеть что-л.*) предлог не клитика, тогда как при втором подходе ударное *на* продолжает описываться как клитика: формирует фонетическое слово именно существительное, предлог же оказывается под ударением лишь в силу акцентных свойств знаменательного слова. Более того, его употребление не добавляет в высказывание фонетическое слово. Выходит, если словоформа безударна, то это не значит, что она просодически несамостоятельна.

Определение клитики как безударной словоформы кажется не совсем удачным. Обоснованнее и удобнее интерпретировать клитику как словоформу, неспособную формировать фонетическое слово самостоятельно. В пользу такого решения говорят следующие аргументы.

Во-первых, серьезная теоретическая проблема, возникающая в связи с признаком *безударный*: словесным ударением называется выделение **одного из слогов** неодносложного слова, но тогда, видимо, надо признать клитиками односложные самостоятельные слова типа *рот* и т. д., потому что в них по определению нет ударения. Можно попробовать снять противоречие, сказав, что нельзя считать безударной односложную словоформу, – слог здесь ни ударный, ни безударный. Однако это тоже неудачное решение: не только сегменты *бы*, *от*, *по*, *сквозь*, но и слова вроде *б* (вариант *бы*) *к*, *с* и т. д. нельзя будет называть клитиками, поскольку в них меньше двух слогов.

Второй аргумент выводится из акцентологических исследований. Так, П. Гард утверждает, что если в случаях вроде рус. *но́ столу* или чеш. *na mostě*

⁹ Для сравнения рассматриваемых подходов интересен в первую очередь вариант с ударением на предлоге, хотя *на го́лову* тоже нормативный вариант.

‘на мосту’ (ударение на предлоге) рассматривать существительные как клитики, то «правила ударения невозможно будет четко сформулировать».

Если разделять подход, согласно которому клитика – просодически несамостоятельная словоформа, нужно переосмыслить феномен абсолютных и относительных клитик.

Прежде всего, необходимо прояснить, какое место занимает критерий ударности/безударности в классификации клитик. Многие фонетисты, говоря об абсолютных и относительных клитиках, исходили из обязательной безударности любой клитики и, соответственно, применяли описываемые понятия только к безударным словоформам. Однако ударная клитика тоже может не демонстрировать никаких фонетических особенностей. Так дело обстоит с *на́ голову* [на́гэлэву], где предлог неотличим, скажем, от приставки в *на́званный* [на́звэны̆], или с *по́д руки* [по́друк’и³], где /д/ закономерно реализуется звонким [д] перед сонорным [р]. С другой стороны, не совсем понятно, бывают ли клитики одновременно ударными и относительными. Если не удастся найти ударные относительные клитики, то нет смысла расширять понятия абсолютных и относительных клитик. В целом этот вопрос требует дополнительных поисков – не только на русском материале.

Далее, представляется целесообразным пересмотреть понятие относительной клитики – учитывать обычное/необычное поведение фонетического слова в целом. Например, в *замёр[с_л’и³]*¹⁰ сама клитика произносится без каких-либо особенностей, тем не менее реализация звонкой фонемы такая, как на границе разных фонетических слов (ср. *замёрзли* – *замёр[зл’и³]* и допустимо устарелое *замёр[з’л’и³]*). Иными словами, абсолютность и относительность клитик лучше определять в зависимости от особенностей реализации фонем внутри фонетического слова целиком, то есть надо учитывать произношение как самой клитики, так и ее носителя (опорной словоформы).

¹⁰ Возможно, *ли* в современном русском уже не клитика, а транскатегориальный формант. Это предмет отдельной дискуссии.

Типология изменений в консонантизме тверских говоров (по следам Н.М. Каринского)

Новикова Людмила Николаевна

доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета
novikova_54@mail.ru

Исследование динамических процессов, происходящих в говорах, зависит от степени их изученности в разные временные срезы, что дает возможность установить степень устойчивости диалектных особенностей, продуктивность отдельных фрагментов языковой системы говоров. Наибольшую информацию можно извлечь из анализа таких диалектных объединений, которые были предметом неоднократного обследования: именно к таким принадлежат владимирско-поволжские говоры Калининской подгруппы, которые были предметом внимания диалектологов на протяжении всего XX века и начала XXI. Труды МДК, исследования В.И. Чернышова, Н.М. Каринского, С.А. Копорского, Т.В. Кирилловой, материалы ДАРЯ, «Лексического атласа русских народных говоров», словаря «Селигер: материалы по русской диалектологии» – таков перечень основных исследований, отражающих состояние фонетической системы тверских говоров.

Сопоставление ранних фиксаций и наших наблюдений с конца 90-х по наши дни свидетельствует о перестройке диалектных систем, формировании важных инновационных процессов на фонетико-фонологическом уровне: утрате первичных диалектных черт – цоканья, цеканья, дзеканья – и формировании новых, вторичных особенностей – изменение долгих шипящих, процессы лексикализации, морфологизации фонетических черт.

В первой половине XX века (исследования В.И. Чернышова, Н.М. Каринского, С.А. Копорского), несмотря на некоторые элементы «социологизации» при объяснении языковых фактов и недостаточное внимание к внутриязыковым закономерностям, имеют большое значение для характеристики динамических процессов в фонетике говоров, для развития «социальной диалектологии», для изучения «микроистории», то есть изучения языка и его диалектов в небольшой период времени.

Несомненно, социальные условия влияют на изменения в говорах, но при изучении языковой динамики необходим обязательный учет и внутривидовых факторов, то есть учет тех процессов, которые обусловлены общими тенденциями развития русского языка.

По наблюдениям последних лет в фонетической системе тверских говоров произошли существенные изменения, свидетельствующие о сближении с литературным языком. Причем они коснулись в большей степени консонантизма: в области согласных исчезли наиболее яркие диалектные черты, тогда как вокализм говоров, претерпевая неизбежные изменения, еще сохраняет ряд особенностей, в которых отражается сложная эволюция говоров. Объяснить этот факт можно, учитывая общие тенденции

развития фонетического строя русского языка, направленные в сторону упрощения вокализма и усложнения консонантизма. Это выражается в постепенном увеличении в русском языке различительной роли согласных фонем и соответственно в уменьшении различительной роли гласных фонем.

В докладе будут рассмотрены основные изменения в области консонантизма тверских говоров, произошедшие со времен обследования их Н.М. Каринским.

Еще раз об условиях и причинах изменения /g/ > /v/ в окончании *-ого/-его*

местоимений и прилагательных

Попов Михаил Борисович

доцент СПбГУ

popov_mb@list.ru

В истории русского языка имело место изменение, которое хорошо известно или о котором догадываются почти все грамотные носители языка, потому что оно отражено на письме в виде явного нарушения правил русской графики.

Речь идет об изменении /g/ > /v/ в окончании род. п. ед. ч. м. и с. рода *-ого/-его* местоимений и прилагательных. Оно неплохо изучено историками русского языка, и существует даже нечастый в восточнославянской исторической диалектологии консенсус по ключевым вопросам этого изменения. В целом все более или менее согласны в том, что это изменение на ядерной территории (великорусский центр, по происхождению северо-восточные древнерусские говоры) происходило примерно в XIV–XV вв., а позднее стал распространяться в разных направлениях (прежде всего на север, северо-запад и юг). Этот консенсус основывается прежде всего на материале письменных памятников и данных лингвистической географии. Кроме того, то в настоящее время практически все исследователи придерживаются фонетического объяснения перехода /-ого/ > /-ово/, которое в принципе не противоречит данным лингвистической географии. Фонетический механизм этого изменения обычно представляют (с некоторыми вариациями) следующим образом: **-ого* > *-оуо* > *-оо* > *-ово* (Колосов 1877; Бодуэн де Куртенэ 1897; Соболевский 1907; и др.). Вариантом фонетической интерпретации была гипотеза Шахматова, который исходя (вслед за Фортунатовым) из псл. **-оһо* предполагал такое развитие: **-оһо* > *-оуо* > *-оо* > *-ово*, не исключая возможности прямого изменения *-оуо* > *-оуо/-ово*.

Согласно взглядам сторонников фонетической гипотезы, триггером изменения было артикуляционное ослабление (lenition) интервокального согласного в окончании (**-ого* > *-оуо*), которое по мере дальнейшего ослабления согласного привело к его идентификации с нулем звука (что в ядерных для этого процесса севернорусских говоров, в системе которых был представлен смычный /g/ в качестве рефлекса псл. **g*, представляется вполне естественным), т. е. полной утрате и образованию хиатуса (*-оуо* > *-оо*), который на завершающем этапе процесса был ликвидирован вставкой согласного (*-оо* > *-оуо* > *-ово*). С некоторыми разночтениями в деталях такой взгляд на данное изменение является практически общепринятым. К нему присоединился и автор (Толкачев 1960) наиболее обстоятельного критического обзора научной литературы об изменении /-ого/ > /-ово/, в известном смысле «закрыв тему».

Однако общепринятая реконструкция данного фонетического изменения, какой бы стройной и впечатляющей она ни была, вызывает ряд возражений общего характера. Во-первых, не представляется убедительной исходная идея об артикуляторном ослаблении *ogo* > *-oʊo*. Обычно предполагается, что такое ослабление было вызвано слабой ударяемостью в быстрой речи, характерной для местоимений как второстепенных слов (по Мейе, *mots accessoires*), однако такое объяснение менее всего, кажется, подходит для центральных в интересующем нас отношении форм род. п. таких местоимений, как *когó*, *тогó*, *моегó*, *самогó*, *своегó* и т. п., которые не были энклиноменами и имели ударение на конечном гласном /ô/. Во-вторых, вызывает сомнение телеологический характер объяснения этапов эволюции: **-ogo* > *-oʊo* > *-oo* > *-ovo*. Если ослабление согласного ([*-ogo* > *-oʊo*]) в целом понятно, то последовавшая за этим его «нулизация» [*ʊ* > *Ø*] с появлением сочетания [*oo*], труднообъяснима, если такие сочетания неприемлемы и сразу же ликвидировались вставкой нового согласного.

Эти возражения не означают, что нужно отвергнуть фонетическое объяснение перехода /*-ogo*/ > /*-ovo*/. Довольно давно существует альтернативная общепринятой интерпретация условий данного изменения, принадлежащая Л. Л. Васильеву (Васильев 1929), одному из самых ярких историков русского языка начала XX в. В упомянутом выше обзоре (Толкачев 1960) ее критике отведено больше места, чем другим, и она признана мало вероятной. В докладе будет предпринята попытка «реабилитировать» объяснение Васильева и вернуть его в круг конкурентоспособных гипотез.

Стилистическая специфика звучания православной интернет-проповеди

Ольга Александровна Прохватилова

профессор кафедры русского языка Института филологии и истории
Российского государственного гуманитарного университета
olgaprohvatilova@yandex.ru

С начала ХХІ в. церковь стремится осваивать и использовать современные медиа, в том числе Интернет, создаются религиозные электронные ресурсы, появляются новые формы пастырского слова – происходит вхождение религии в поле Интернета.

Интернет-коммуникация рассматривается сегодня как языковой феномен, обусловленный тем, что общение в интернете представляет собой письменную фиксацию устной речи: «функционирование интернет-языка технически ограничено письменной формой речи», которая в то же время «стилистически максимально приближена к неформальному устному разговорному стилю» [Войскунский 2002, с. 237]. Эти особенности языка Интернета находят свое отражение и в конфессиональном общении в Сети. Исследователи отмечают активизацию периферии религиозного языка, обусловленную изменением характера религиозной интернет-коммуникации, которая «из вертикальной иерархической (Бог – священник – верующий) ... превращается в горизонтальную, уравнивающую всех в правах (и Бог, и священник, и верующий)», что приводит к тому, что «религиозный язык верующих часто становится более разговорным, чем в храме» [Гадомский 2021, с. 25].

Материалом для нашего исследования стали современные православные проповеди, которые размещены в многочисленных православных блогах священнослужителей на каналах YouTube и Rutube (архимандрита Саввы (Мажуко), протоиерея Федора (Повного), иерея Александра (Кухты), священников Владислава Борового и Валерия Сосковца и др.).

Проведенный анализ интернет-проповедей показывает, что на фоне сохранения сущностных, конститутивных признаков жанра – тематических, структурно-композиционных, аксиологических – наблюдается перестройка плана выражения, что находит отражение в звучании проповеди.

С одной стороны, остается неизменным принцип отбора языковых средств, связанный с сосуществованием элементов системы современного русского языка и архаичных элементов, восходящих к древней акцентно-мелодической фонетической системе русского языка. Так, в проповедях господствует современная орфоэпия, ориентированная на младшую норму (качественная и количественная редукция гласных, иканье и т.д.), в сочетании с архаичными принципами пропорциональности и симметрии в основе деления речевого потока на линейные единицы и употреблением поливершинных интонационных конструкций и рамочных акцентных структур.

С другой стороны, меняется характер этого соотношения: объем архаичных компонентов сокращается, что приводит к нивелированию высокого стиля в звучании проповеди.

При этом увеличивается частотность интонационных средств, которые формируют новые стилистические оттенки:

1) оттенок сниженности и разговорности (благодаря преобладанию ИК-3 при оформлении неконечных синтагм);

2) оттенок иронии (за счет использования при описании бытовых явлений интонационных конструкций, имеющих высокий, торжественно-приподнятый стилистический оттенок – ИК-5, двувёршинных ИК-1 и ИК-2, сочетаний ИК-6 + ИК-2);

3) оттенок подчеркивания, убеждения (вследствие широкого употребления ИК-2 при оформлении не только основных, но и факультативных центров, что позволяет проповеднику выделить смысловые центры высказывания, акцентировать внимание на ключевых словах);

4) оттенок полемичности (в результате воспроизведения ИК-3 и переходного типа ИК3² в конечных синтагмах, что традиционно трактуется как средство выражения полемичности высказывания).

Литература

Войскунский А. Е. Исследования Интернета в психологии // Интернет и Российское общество. М.: Гендальф, 2002. С. 235–250.

Гадомский А.К. Религиозный язык в Интернете (на материале российских и польских исследований) // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 1. С. 19–32.

Наблюдения Г.О. Винокура над ассимилятивным смягчением твердых согласных перед мягкими в произношении актеров МХАТ в спектаклях 40-х гг. XX века

(по материалам Винокуровского архива в РГАЛИ)

Нина Николаевна Розанова

Ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова
ninarozanova13@yandex.ru

В докладе рассматриваются вопросы смены орфоэпических норм в театре 40-х гг. прошлого века. Известно, что представители МЛШ много сил и внимания уделяли вопросам нормализации русского литературного произношения. Эта нормализаторская работа, начатая Д.Н. Ушаковым еще в 20-е гг., никогда не прекращалась. В 40-е гг. она, по свидетельству А.А. Реформатского, вновь активизируется. В 1942–1943 гг. Всероссийское театральное общество проводит ряд заседаний, посвященных проблемам русской орфоэпии, на которых выступали А.А. Реформатский, Г.О. Винокур, А.Б. Шапиро, Б.В. Томашевский, С.И. Ожегов, С.М. Бонди и др. Докладчики много внимания уделяли сценической речи, отмечая, что особая роль в упорядочении орфоэпических правил принадлежит театру. В своем докладе, сделанном на одном из этих заседаний, Г.О. Винокур подчеркнул, что важная задача предстоящей работы «собрать и прояснить материал для установления общерусской произносительной нормы» [РГАЛИ, Ф. 2164].

Для осуществления этой задачи Г.О. Винокур обращается к анализу актерского произношения в реальных «полевых» условиях: в феврале – мае 1944 г. он посещает спектакли МХАТа и делает блокнотные записи произношения актеров по ходу спектакля. Всего он побывал на 9 спектаклях. В результате ему удалось собрать богатый материал, который был частично обработан и представлен в виде картотеки. В настоящее время эта картотека, содержащая около 500 карточек, хранится в архиве ученого в РГАЛИ [Ф. 2164, оп.1, ед. хр. 119] и представляет собой ценнейший историко-культурный и исследовательский материал.

Особое внимание Г.О. Винокур уделял случаям наибольшего «разнобоя» в произношении. Собранные примеры сгруппированы по явлениям. Значительное число карточек (100 из 476) содержит наблюдения над ассимилятивным смягчением твердых согласных перед мягкими в различных позициях. Материалы картотеки наглядно демонстрируют нестабильность узальной нормы на этом участке орфоэпической системы. В качестве иллюстрации приведем два примера с сочетанием *т, с + j*. На карточке № 185 зафиксирован смягченный вариант произнесения переднеязычного смычного *т* на морфемном стыке: *ам'їездом* (С.К. Блинников в роли Клешинина, «Царь Федор Иоаннович»). На карточке № 211, наоборот, представлен новый вариант – отсутствие смягчения: *пасьянс* (А.И. Степанова в роли Ирины, «Три сестры»). На той же карточке

содержится комментарий ученого относительно произношения других актеров в этом же спектакле: *Федотик (Ларин): пасьянс!*

Из 100 имеющихся в картотеке карточек 39 записаны на спектакле «Три сестры», который Г.О. Винокур посетил дважды – 14.02.1944 г. и 20.02.1944 г. Винокуровские заметки об актерском произношении мы сравнили с аудиозаписью спектакля, сделанной в 1947 году с тем же составом исполнителей. Несомненно, аудиозапись не вполне адекватна тем «живым» спектаклям, на которых присутствовал Г.О. Винокур в феврале 1944 г., но некоторое общее впечатление об орфоэпическом фоне спектакля она может дать. Результаты этого сравнения будут представлены в докладе.

Явления интерференции в профессиональной речи билингвов

Валентина Павловна Русак

заведующий отделом современного белорусского языка, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси
nanbvprusak@gmail.com

Правильность речи и ее интонационная выразительность обеспечивают единство литературного произношения, сохраняют единообразие и понимание информации, которая передается и воспринимается. Функционирование двух государственных языков требует от белорусской языковедческой науки обеспечения их равноправного использования, что в перспективе сводится к необходимости одинакового владения белорусским и русским языком на практике каждым гражданином.

Актуальность проводимых исследований определяется тем, что они выполняются в русле нового направления – экспериментально-фонетических исследований о слове и фразе, полученных с использованием компьютерной программы речевого сигнала PRAAT, позволяющей получить числовые значения по частоте основного тона (ЧОТ) – в Гц, интенсивности – в дБ, по длительности слога/гласного – в мс.

В основной части доклада будут рассмотрены типы комбинаторных консонантных изменений, которые определяют специфику взаимодействия фонетических систем белорусского и русского языков. Выявление причин отклонения от литературных норм позволит глубже изучать процессы внутривидового взаимодействия языков, что в результате позволит более успешно преодолевать интерференционные явления в речи билингвов. В заключении обосновывается целесообразность дальнейших междисциплинарных исследований в области лингвистики и информационных технологий.

Редукция безударных гласных до нуля в русском литературном языке и ее отражение в словарях

Дмитрий Михайлович Савинов

Ведущий научный сотрудник

Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

crillon@yandex.ru

Как известно, в русском литературном языке ритмическая структура слова обычно описывается «формулой А.А. Потебни», согласно которой акцентное ядро слова, включающее ударный и 1-й п/у гласный, противопоставляется всем остальным безударным гласным. «Сила» конкретного слога непосредственно влияет на характеристики образующего его гласного звука: ритмический контур «сильный центр и слабая периферия» предопределяет значительную редукцию всех безударных гласных (кроме 1-го п/у, а также гласных в некоторых особых позициях), однако наиболее слабой оказывается 3/у часть слова.

О значительной редукции 3/у гласных пишут многие авторы (Г. А. Барина, Е. А. Земская, М. В. Панов и др.). Анализ различных словарей русского литературного языка показывает, что лексикографическое представление случаев диерезы безударных гласных в словарях различного типа не всегда последовательно. Например, в академическом «Словаре современного русского литературного языка» отмечаются варианты с графическим отражением диерезы гласного *прѐтолк*, *пѐпортник* *жѐвронок* и *пѐгвица*, однако «Большой академический словарь русского языка» фиксирует только варианты *пѐгвица* и *пѐгвичникъ*. В орфоэпических источниках соответствующие произносительные рекомендации также противоречивы: в «Словаре ударения и произношения слов русского языка» варианты *прѐто*[лк]а и *прѐво*[лк]а маркируются как неправильные, тогда как в «Большом орфоэпическом словаре» эти варианты признаются основными.

Нецелесообразность кодификации написаний с графической фиксацией диерезы типа *жѐвронок* или *пѐгвица* в орфографических и толковых словарях представляется очевидной, однако вопрос об отражении в орфоэпических словарях вариативности типа *нѐ*[въ]лочка / *нѐ*[в]лочка или *нѐ*[т'ил']ка / *нѐ*[т'л']ка остается открытым.

Представляется очевидным, что необходимо различать, с одной стороны, лексическую или морфологическую прикрепленность диерезы гласного к конкретному слову или морфеме, с другой – лексикализацию произношения без 3/у гласного.

При лексической или морфологической прикрепленности диерезы произношение с гласным, без гласного или со слоговым сонорным обычно вариативно и характеризует конкретные слова (группы слов) и морфемы. Появление подобных вариантов зависит от ряда факторов: прагматического, темпорально-ритмического, но прежде всего – от характера фразовой позиции, а выбор конкретного варианта не может регламентироваться строгими нормативными предписаниями (в том числе стилистического

характера). Именно поэтому информация о возможных произносительных вариантах данной группы слов в орфоэпических словарях представляется избыточной.

При лексикализации отмечается особый фонемный состав слов, и отсутствие гласного безвариативно. Произношение слов *провода*, *напоротник*, *притолока*, *сутолка*, в которых произошла лексикализация произношения с диерезой з/у гласного, автоматически не вытекает из их написания (обычно буква *о* в этой позиции обозначает звук [ъ]), и потому они нуждаются в орфоэпическом комментировании.

Жизнь и подвиг Сесилии Оде

Наталия Дмитриевна Светозарова
Профессор-консультант кафедры фонетики Санкт-Петербургского
государственного университета
ndsvetozar@gmail.com

Доклад посвящен памяти человека огромного таланта, фантастической работоспособности и редкой души – голландской исследовательницы русского и других языков Сесилии Оде.

Cecilia Odé родилась 21 сентября 1946 года в Амстердаме. Отец ее, Jan Odé, известный пианист, был директором Амстердамской консерватории. Музыкантами стали старший брат и сестры Сесилии и их дети. Сама она после окончания школы тоже училась в консерватории, но затем поступила в Амстердамский университет, избрав своей специальностью русский язык, который изучила в совершенстве. Любовь к музыке была, возможно, одной из причин выбора в качестве темы её исследований фразовой интонации. Окончив в 1980 г. университет, Сесилия занялась исследованием русской интонации на основе «голландской модели интонации» с использованием метода стилизации интонационных контуров и их перцептивного анализа. На основе проведенного в нидерландском Институте перцептивных исследований анализа она в 1989 г. с блеском защитила диссертацию «Russian Intonation: A Perceptual Description». Ее оппонентами были не только голландские ученые, но и коллеги из России, Т.М.Николаева и автор этого сообщения. Для российских интонологов это большим событием. Всё было ново: богатый речевой материал, новая теоретическая концепция и новейшие методы анализа, публикация книги со звуковым приложением. Это был редкий в те годы отход от анализа литературных примеров и обращение к живой устной речи разных жанров. Это был первый научный подвиг Сесилии.

Параллельно она занималась проблемами интонации других языков, в частности, индонезийского. Знакомство с Индонезией привело её к интересу к языкам малочисленных народов Новой Гвинеи, их фонетике и просодике. Этот интерес вылился в ряд командировок на северо-восток острова, к носителям мало изученного языка мпур (кебар). В труднодоступном месте их обитания Сесилия прожила в 1990-е годы многие месяцы, делая аудио- и видеозаписи, работая с информантами, собирая этнографические материалы. В результате она создала и опубликовала описание фонологической системы, а также лексикона и грамматики языка мпур. Это был второй подвиг Сесилии Оде. Несмотря на все предосторожности последняя поездка закончилась тяжелой болезнью, последствия которой она преодолевала долгие годы. Позднее она издала прекрасную книгу воспоминаний о жизни и работе на Новой Гвинее.

Опыт изучения языка малочисленного народа привел её к проблеме фиксации, изучения и сохранения языков и культур, находящихся под угрозой исчезновения. И теперь объектом её исследований стал один из

самых малых языков Сибири, практически исчезающий тундренный юкагирский. В начале века насчитывалось не более 70 носителей этого изолированного палеосибирского языка. Сесилия становится активным защитником исчезающих языков, создает в Интернете интерактивный модуль *Endangered Languages*, занимается разработкой учебных материалов для юкагирских детей с целью ревитализации их языка. Эта работа проходила в сложнейших погодных и бытовых условиях Крайнего Севера и завершилась изданием научных работ по фонетике и грамматике, а также собрания текстов и альбома фотографий. В 2013 г. вышел документальный фильм голландских кинематографистов о Сесилии Оде, её работе и жизни у тундренных юкагиров, награжденный призами международных фестивалей. Это был третий, северный, подвиг Сесилии. Последние экспедиции проходили уже на фоне тяжелой болезни, с которой она мужественно сражалась многие годы и которая стала причиной её безвременного ухода из жизни 9 января 2019 года.

Нельзя не упомянуть ещё об одной стороне многогранной натуры Сесилии: её многолетней работе в Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы и в Нидерландской ассоциации преподавателей живых языков, в которых она занимала ответственные должности. Она была председателем Комитета славистов Нидерландов, выступала с докладами, читала лекции и проводила мастер-классы, руководила диссертациями. Сесилия обладала удивительной силой воли, благодаря которой в последние годы и месяцы жизни она сделала фантастически много для того, чтобы собрать и передать ученикам свои бесценные экспедиционные материалы.

Алгоритм обработки аудиозаписей звучащей дидактической речи для последующего обучения нейронной сети распознаванию базовых эмоций

Тарева Елена Генриховна

директор института иностранных языков Московского городского педагогического университета, tarevaeg@mgpu.ru

Караваева Вероника Георгиевна

доцент кафедры английского языка и лингводидактики, институт иностранных языков Московского городского педагогического университета, karavaeva-415@mgpu.ru

Толмачева Татьяна Александровна

доцент кафедры английского языка и лингводидактики, институт иностранных языков Московского городского педагогического университета, polushkina@mgpu.ru

Обучение нейросети распознаванию эмоционального состояния преподавателя и студента представляет интерес для современной методической науки и открывает новые горизонты для автоматической оценки качества образовательного процесса. Объектом настоящего исследования являлась речь студентов и преподавателей института иностранных языков МГПУ во время семинарских занятий по методике обучения иностранным языкам. Спикерами выступали мужчины и женщины в возрасте 25–45 лет. Тематика бесед затрагивала проблемные вопросы современной методики. Занятия носили дискуссионный характер, где преподаватель выступал в роли ведущего организатора и аналитика, организовывая обсуждение проблемного вопроса, вовлекая в него всех участников группы, задавая вопросы, подвергая сомнению высказываемые идеи. Объем аудиозаписей составил 10 часов речи. Предметом исследования выступили акустические корреляты эмоциональных реакций (удивление, грусть, счастье, злость, нейтральный настрой) в речи студентов и преподавателей. Цель исследования заключалась в подготовке размеченного корпуса аудиозаписей для последующего обучения на его основе нейросети распознаванию эмоционального настроения студента и преподавателя.

На первом этапе осуществлялась запись речевых образцов в естественных условиях, а именно в рамках занятий студентов бакалавриата по дисциплинам «методика обучения английскому/немецкому/французскому/китайскому языку». С этой целью потребовалось разработать план организационных мероприятий, включающий:

- отбор учебных дисциплин, читаемых на русском языке, в рамках которых возможна организация соответствующей учебной ситуации, и тематики дискуссии;
- определение состава информантов, специалистов по предварительной обработке звукового сигнала и технических специалистов;
- составление графика проведения звукозаписи;
- установление мест проведения звукозаписи;
- проведение инструктажа преподавателей и студентов по сбору аудиозаписей;

– обеспечение наличия звукозаписывающего оборудования соответствующего качества и программного обеспечения.

Все занятия соответствовали следующим характеристикам:

1. коммуниканты выражали базовые эмоции в условиях *естественной* учебной ситуации;
2. соблюдался баланс между количеством речи преподавателей и студентов в процессе дискуссии, что положительно влияло на сбор речевого материала в требуемом объеме;
3. заранее были обозначены следующие аспекты: цели и задачи учебного занятия, его тематика, дата и время проведения аудиозаписи;
4. заранее производилась кодировка участников дискуссии и сбор основных сведений о каждом из них: возрасту, пол, уровень образования.

Звукозапись проводилась на русском языке в очном и онлайн форматах в малых группах в рамках учебной дисциплины «Методика обучения иностранным языкам» посредством специального звукозаписывающего оборудования. Продолжительность сбора речевого корпуса составила 6 недель. В состав участников вошли руководитель проекта, 2 эксперта по предварительной обработке звука, 1 инженер-электроник, 1 техник, 11 преподавателей ИИЯ МГПУ и 72 студента ИИЯ МГПУ.

Для проведения инструктажа преподавателей и студентов по сбору аудиозаписей были разработаны инструкции с описанием алгоритма звукозаписи.

Оценка пригодности собранного звукового материала в целях дальнейшего инструментального анализа проводилась на основе формы бланка анализа аудиозаписей речи каждого информанта, включающая 20 критериев.

На втором этапе производилась предварительная обработка аудиозаписей: 1) конвертация аудиофайлов в формат моно, 16bit 16 kHz, wav (использовался скрипт на основе библиотеки ffmpeg); 2) очистка шума посредством программы Audacity.

На основе специфики предоставленного материала и с учетом цели эксперимента аудиозаписи членились на реплики, которые могли представлять собой синтагму, фразу, фоноабзац с дальнейшим распределением сегментов по папкам для каждого диктора в отдельности с присвоением уникального кода. Сегментированные аудиозаписи, размещались в облачное хранилище.

Расшифровка отсортированных по папкам фрагментов звучащей речи производилась при помощи библиотеки Speech Recognition.

В результате сбора и предварительной обработки аудиозаписей был сформирован банк файлов формата txt с транскрипцией фрагментов звучащей речи и аудиофайлами формата wav.

Подготовленные таким образом были подвергнуты дальнейшей обработке – нанесению послойной разметки в программе Praat на 1) *сегментном уровне* – при помощи инструмента Montreal Forced Aligner с

последующей корректировкой тремя экспертами в области акустического анализа речевого сигнала; 2) *супraseгментном уровне* – ручная разметка интонационных конструкций.

На третьем этапе был проведен перцептивный эксперимент, который позволил оценить эмоциональное состояние участников дискуссии. Экспертами выступали 5 специалистов в области фонетики, не участвовавших в разметке и сборе корпуса. По результатам перцептивного эксперимента разметка была дополнена слоем, содержащем информацию об эмоциональном состоянии говорящего.

Размеченный таким образом корпус аудиозаписей можно считать пригодным для последующего обучения нейросети распознаванию базовых эмоций студента и преподавателя в ходе дискуссии.

Ударение в глаголах на *-ить*: изменения, происходящие на наших глазах

Элина Романовна Стрейкмане
ГБОУ «Цифровая школа» г. Москвы
el-streykmane@yandex.ru

На сегодняшний день вопрос о месте ударения в глаголах на *-ить* остается актуальным. В последние несколько столетий, начиная с XVIII века, прослеживается устойчивое изменение выбора акцентологического варианта в этих словах: во многих глаголах неподвижное ударение на окончании вытесняется подвижным.

Звуковые процессы, приводящие к изменению акцентного типа, могут на разных этапах протекать по двум разным сценариям: либо изменение в месте ударения будет продолжать распространяться на все новые лексические единицы до тех пор, пока процесс не будет исчерпан; либо в какой-то момент изменения прекратятся и закрепится норма, действующая на тот момент: в одних слова норма останется прежней, в других станет новой.

Для изучения вопроса в 2015 году и в 2024 году были проведены социолингвистические эксперименты по исследованию 100 глаголов на *-ить*, в которых авторитетные словари отмечают либо нормативные варианты произношения, либо частотные отклонения от нормы. В экспериментах приняли участие 120 человек: 60 респондентов в 2015 году и 60 – в 2024. Опрашиваемые были распределены по трем возрастным категориям для формирования групп потенциальных носителей «старшей» нормы произношения (группа от 56 лет), «младшей» (до 25 лет) и так называемой «средней», содержащей в себе черты обеих норм (от 26 до 55 лет) – по 20 человек в каждой (всего 60). Сопоставительный анализ данных, между получением которых прошло 9 лет, показал следующее: в 86 глаголах на *-ить* за 9 лет не изменился выбор большинством того или иного акцентологического варианта. Наибольший интерес для детального рассмотрения представляют 14 слов, в которых произошли изменения: *белить, волочить, загородить, навинтить, насорить, обгородить, облегчить, огородить, окружить, отгородить, переморить, развинтить, скрепить, скрестить* – в трех случаях преобладающим стал вариант с подвижным ударением, в 6 словах результаты распределились примерно поровну (с увеличением в 5 словах доли неподвижного ударения на окончании по сравнению с результатами эксперимента от 2015 года), а в 5 словах большинством стал выбираться вариант неподвижного ударения на окончании.

Можно сказать, что процесс замены неподвижного ударения на подвижное, несмотря на его продуктивность, проходит неравномерно – для разных слов с разной скоростью. Очевиден его волнообразный характер: для

каких-то глаголов сначала начинает преобладать подвижное ударение, а потом может возникнуть и обратный процесс – возврат к неподвижному на окончании. Вероятно, подобный перенос ударения связан с постепенным сужением сферы противопоставленности I и II спряжения, поскольку они различаются исключительно у глаголов с ударными окончаниями.

Таким образом, вопрос изучения акцентологических особенностей глаголов на *-ить* останется актуальным на ближайшие годы. Дальнейшее его рассмотрение и мониторинг происходящих изменений требуют проведения расширенных социолингвистических исследований в первую очередь для сокращения разрыва между узуальными и кодифицированными нормами и как следствие для преодоления существующего разнобоя в произносительных рекомендациях разных авторитетных орфоэпических словарей.

**Состав гласных фонем под ударением в говоре села Ушинка
Земетчинского района Пензенской области
(синхронно-диахронический аспект)**

Роман Викторович Ширшаков
Пензенский государственный университет, доцент
Россия, Пенза
shirshakov80@mail.ru

Говор села Ушинка представляет интерес тем, что в 20-х годах прошлого века он был изучен профессором А. Н. Гвоздевым. Его характеристика содержится в статье А. Н. Гвоздева «Описание говора села Ушинки Спасского (б. Керенского) уезда Пензенской губернии», в которой, однако, при детальном рассмотрении безударного вокализма, вопрос о гласных под ударением как таковой оставлен без внимания. Вот что пишет сам А. Н. Гвоздев о своей командировке: «Говор с. Ушинки я наблюдал во время кратковременной командировки в июле 1923 г. по поручению Пензенского Губвыставкома для обследования быта мешеры Керенского у. Я провел в Ушинке около 5 дней, причем и за это время занят был главным образом обследованием быта вообще и закупкой экспонатов, только попутно ведя записи говора. Поэтому исчерпывающей характеристики дать не могу, но всё же основные черты говора выяснились более или менее достаточно»¹¹. В то время это было очень большое село (около 8,5 тысяч жителей), представляющее собой центр так называемых мешерских поселений бывшего Керенского уезда.

Экспедиционное обследование говора села Ушинка проводилось нами в период с 2012 по 2014 гг.

Возможно, в ранний период существования, в первой половине XVIII в., состав гласных фонем ударенного слога в говоре села Ушинка Земетчинского района Пензенской области был иной, чем в настоящее время. Кроме известных современному русскому литературному языку 5 фонем – а, о, э, у, и, здесь могла сохраняться еще фонема *é* (ѣ).

Немногочисленные в настоящее время примеры произнесения звука *и* на месте этимологического *ѣ* под ударением можно рассматривать как реликты особого произношения древней фонемы *é* (ѣ). Гласный *и* вместо литературного *е* произносится в лексеме *деверь* – *д'ів'ир'*, в формах глагола *есть*, *сцезживать* (не только в инфинитиве, но и в личных формах) – *йис'т'*, *йиш*, *паййиш*, *наййисца*, *сцѣжват'*; в наречии *после* – *ус'о'эть было уш пасл'и*; sporadически *и* встречается в словах *поехать*, *человек* – *зѣ дравáми паййхъл'и*, *д'ит'ей-ть было вóс'им' матр'и д'ев'ит' цѣлав'ик*.

Сохранялось ли *é* как самостоятельная фонема в ушинском говоре в первой половине XVIII века?

Исследованием С. И. Коткова установлено, что в южнорусском наречии фонема *ѣ* под ударением сохранялась на протяжении всего XVII

¹¹ Гвоздев А. Н. Описание говора села Ушинки Спасского (б. Керенского) уезда Пензенской губернии // Труды комиссии по диалектологии русского языка. Вып. 9. М., 1927. – С 79.

столетия и была представлена в виде «звука средне-верхнего подъема – закрытого *é* или дифтонга *ие*»¹². Утрата ее, по мнению В. Н. Сидорова, проходила здесь под воздействием московского говора. Хронологически это явление может быть отнесено к середине XVIII в., так как в самом московском говоре совпадение *e* и *ѣ* началось в конце XVII – начале XVIII вв.¹³

Утрата фонетического различия между *ѣ* и *e* протекала быстро и в подавляющем большинстве южновеликорусских говоров завершилась к началу XX века¹⁴. Однако и в начале XX в. исследователи наблюдали отдельные южнорусские говоры с дифтонгическим произношением *ѣ*¹⁵.

Следы различия *e* и *ѣ* до сих пор сохраняются в ряде говоров на территории центральных областей к востоку от Москвы, в частности, такие говоры зафиксированы в Рязанской области: в соответствии со старым *ѣ* здесь произносится звук [*é*], закрытый, напряженный, которому часто сопутствует дифтонг [*ие*] и [*и*]¹⁶.

В рязанских памятниках письменности XVII–XVIII веков исследователи отмечают различие под ударением *ѣ* как особой фонемы, хотя, как свидетельствуют источники, в части говоров уже начинался процесс ее утраты¹⁷. Вполне возможно, что носители ушинского говора в период переселения из Рязанского края (не позднее середины XVIII в.) еще различали фонемы *e* и *é* (*ѣ*).

В прошлом многие говоры, наряду с различием *e* и *é*, знали различие *o* и *ô* (хотя такая параллель и не являлась обязательной¹⁸), связанное с древним различием исконного (не из *ѡ*) *o* под восходящей и нисходящей интонацией. Наличие случаев произношения двух типов *o* – черта, характерная для говоров Восточной (Рязанской) группы в целом¹⁹, свидетельствующая о том, что здесь это явление было широко представлено. Очевидно, ушинский говор также имел *ô*, которое, однако, утратилось в нем раньше, чем *é* (как и вообще в говорах²⁰), так что к середине XVIII в. различия *o* и *ô* как фонетической закономерности не существовало. В настоящее время в ушинском говоре нет никаких следов *ô*. Не были отмечены они и в 20-х годах прошлого века профессором А. Н. Гвоздевым.

¹² Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). М., 1963. – С. 44.

¹³ Сидоров В. Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969. – С. 32.

¹⁴ Сидоров В. Н. Там же. – С. 32.

¹⁵ Черных П. Я. К фонетике южнорусских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.–Л., 1949. – С. 252–265.

¹⁶ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карта 21, н. п.: 564, 567, 568, 569, 570, 574, 589, 590 и др.

¹⁷ Галкина Г. С. К истории рязанских говоров XVII–XVIII веков (фонетические особенности). // Ученые записки Тульского пединститута. Т. XI. Тула, 1958. – С. 146–147, 159.

¹⁸ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. – С. 155.

¹⁹ Русская диалектология: Учеб. для пед. ин-тов / под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., пераб. М., 1989. – С. 213; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. Изд. 2-е, стер. М., 2004. – С. 133.

²⁰ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е, стер. М., 2006. – С. 140.

Таким образом, вполне возможно, что к началу своего существования (в первой половине XVIII в.) говор села Ушинка еще имел в качестве самостоятельной фонему *ê* (ѣ). Однако в связи с общеязыковой тенденцией, а также под влиянием литературного языка эта особенность, по всей видимости, быстро утратилась.

**Фонетический аспект в практическом курсе русского языка для
иностраннх студентов в период стажировки в Государственном
институте русского языка им. А.С. Пушкина**

Марина Николаевна Шутова,
профессор кафедры СЗС,
Гос. институт русского языка им. А.С. Пушкина
marina.shu@mail.ru
Сергей Сергеевич Хромов,
Зав. кафедрой русского языка
и истории литературы, Московский политехнический
университет
chelovek653@mail.ru

Большинство студентов (бакалавров и магистрантов), приезжающих на стажировку на десять месяцев в Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина и владеющих русским языком на уровне В1-В2, с трудом произносят русские слова, смешивая звуки, не умеют ритмически организовать произносимые словосочетания, не умеют читать тексты, абсолютно не понимают роли русской интонации в речи, искажают смысл высказывания, что нарушает процесс коммуникации и приводит к культурному шоку.

Корректировочный курс практической фонетики и интонации входит в программу стажировки иностранных студентов. На занятия по фонетике отводится 2 академических часа в неделю. Наибольшую трудность представляет «минимизация» акцента. Успех работы над произношением определяется тщательностью отбора учебного материала, организацией его в систему, которая обеспечивает эффективность усвоения, а также учетом родного языка учащихся. Мы предлагаем корректировочный курс построить на работе с текстами разного жанра. Это могут быть стихи и проза, художественные и научно-популярные тексты, насыщенные фонетическими и интонационными трудностями, учитывающими особенности фонетической системы и артикуляционной базы русского языка. Многие звуки русского языка бывают поставленными во вводно-фонетическом курсе, однако автоматизация их произношения отсутствует, и достаточно большое влияние на произношение русских звуков оказывают произносительные навыки родного языка. Особенно трудны звуки, которые кажутся похожими на русские звуки или отсутствуют в родном языке.

Деление предложения на синтагмы особенно трудно для представителей тональных языков (вьетнамский, китайский), им свойственно произносить каждое слово отдельно, не объединяя слова в синтагмы, не произнося их с определенной мелодией, интонацией. Не владея основами синтаксического строя языка, иностранные учащиеся производят искусственное членение предложения, объединяя в группы слова, грамматически не связанные.

Практический опыт убедительно показывает, что эффективность обучения иностранных учащихся русской интонации особенно высока, если обучение проводить на базе интонационной теории Е.А. Брызгуновой.

Основной метод работы над интонацией на продвинутом этапе обучения (уровень В1-В2) – метод коммуникативного анализа звучащего предложения, текста, так как «значение звучащего предложения (высказывания) является результатом взаимодействия значений, выражаемых синтаксической конструкцией, лексическим составом, интонацией, а также смысловым взаимодействием предложения с одним из последующих или предшествующих»